

Литкультпривет!

Литературно-художественный журнал

С новым учебным годом! Худ. Н.Сухорукова

9(143)

сентябрь 2024 г.

Ежемесячный журнальный выпуск Литкультпривет!

Основан 30 октября 2012 г.

п.г.т. Нижний Ингаш

Сентябрь №9 (143 2024 г.)

Юбилейный календарь

215 Нестор КУКОЛЬНИК

Нестор Васильевич Кукольник родился 20 сентября 1809 года в Санкт-Петербурге.

В 1821 году Нестор поступает в Нежинскую гимназию высших наук. И хоть он ее успешно заканчивает, но остается без аттестата.

Причиной этому послужило так называемое “вольнодумие”, которым травили студентов, читающих “неправильные” по мнению государства книги.

Среди “слишком больно умных” по мнению власти был также и небезызвестный Николай Васильевич Гоголь.

120 Николай ОСТРОВСКИЙ

Николай Алексеевич Островский — советский писатель, автор романа «Как закалялась сталь».

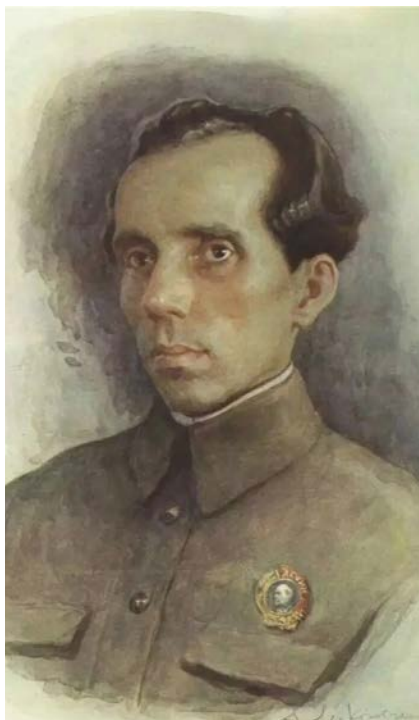
Родился 16 сентября 1904 года в селе Вилия Волынской губернии Российской империи (ныне Украина).

Первым произведением писателя стала повесть «Рождённые бурей», рукопись которой была утеряна.

В 1930 году Николай Алексеевич начал писать роман «Как закалялась сталь», который опубликовал «Молодая гвардия».

В последние годы жизни Николай Островский работал над романом «Рождённые бурей», стремясь восстановить утраченный материал, однако успел написать лишь первую часть книги.

Литератор умер 30 декабря 1936 года в Москве.

В НОМЕРЕ:

ПУБЛИЦИСТИКА

Алла Новикова-Строганова
“И пламя вновь зажжём свободы” 3.

Людмила Брагина
Олег Роменко
“Бремя русского приграничья” 18.

ПОЭЗИЯ

Евгений Степанов
Стихи.....8

Сергей Прохоров
Стихи.....10

Николай Ерёмин.
Стихи.....12

Виктор Магоня
Стихи.....18

.

ПРОЗА

Алексей Ильичев
“Гипертонический круиз” 22

Евгений Татарников
“Школьная продлёнка” 24

Вааги Карапетян
Рассказы.....28

Сергей Хоршев-Ольховский
Рассказы.....30

Редактор **Сергей Прохоров**
Красноярский край,
Нижний Ингаш.

Алла
НОВИКОВА-
СТРОГАНОВА

Москва

Алла Анатольевна
Новикова-Строганова -
доктор
филологических наук,
профессор,
член Союза писателей
России (Москва),
историк литературы

«И пламя вновь зажжём свободы!...»

(185 лет памяти А.И. Одоевского)

Где? укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?
Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве .

А.С. Грибоедов. Горе от ума

Часть 1

Александр Иванович Одоевский (1802–1839) – русский поэт-романтик, восторженный мечтатель-идеалист, грезивший, по его словам, «о будущем усовершенствовании рода человеческого», горячо жаждавший посвятить благо отечества

прелесть всю воспоминаний,
Святыню чувства, мир мечтаний,
Порывы всех душевных сил .

Будучи 23-х лет отроду, этот молодой гвардейский офицер вместе с другими членами тайного «Северного общества» вывел восставшие войска на Сенатскую площадь в Петербурге 14 декабря 1825 года. Одоевский командовал заградительной стрелковой цепью, «унимал солдат, стрелявших без спросу», подальше от цепи «удалял чернь» – собравшиеся вокруг площади массы народа, толпы петербургских жителей.

Целями восстания были отмена в России крепостного права, перемены в государст-венном устройстве: упразднение абсолютной самодержавной власти и её замена либо конституционной монархией, либо республикой – решение должен был бы принять созываемый Всенародный собор.

Кондратий Фёдорович Рылеев (1795–1826) – поэт-гражданин, один из пяти казнённых руководителей декабрьского восстания – объяснял: «куда стремятся мои помышления! Умоляю вас, поймите Рылеева! Отечество ожидает от нас усилий для блага страны!! Души с благороднейшими чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу; так будем же стараться уничтожать и переменить на лучшее!»

В то же время декабристы осознавали жертвенный путь своего служения. Рылеев писал:

Известно мне: погибель ждёт
Того, кто первый восстаёт
На утеснителей народа, –
Судьба меня уж обрекла.
Но где, скажи, когда была
Без жертв искуплена свобода?

Впоследствии в своих мемуарах друг Одоевского декабрист Николай Иванович Лорер (1794–1873) размышлял: «Не ребячество, а любовь к отечеству и стремление на развалинах деспотизма, самого самодурного, самого пагубного для общества, построить благо России! Но время ещё не настало, Русь наша была ещё слишком далека от сознания необходимости реформы вверху и в основании. Молодое увлечение увлекло Одоевского, подобно многим другим молодым людям» .

После разгрома восстания Александр Одоевский отчётливо осознал, что «30 или 40 человек, по большей части ребят, и пять или шесть мечтателей не могут произвести перемены». Такие показания он дал на следствии по делу декабристов.

Мечта его была хотя и неосуществимой, но пламенной, искренней и чистой. Голубо-глазый кудрявый Саша, рождённый для «надежд, поэзии и счастья» , с самой ранней юности пробуждал в людях чувства добрые, вызывал своими человеческими качествами уважение и притяжение современников. Родные, друзья, знакомые – все в один голос с восхищением отзывались о нём. «Его пылающая душа кажется огненным лучом, отделившимся от солнца, так она ярка», – написал один из друзей под миниатюрным портретом Одоевского.

Светлая, обаятельная, незаурядная личность Александра, жар его души проявились, в том числе, в его переписке с двоюродным братом Владимиром Фёдоровичем Одоевским (1804–1869), впоследствии ставшим известным русским писателем-романтиком. Юный Александр писал брату: «Ничто более не возмущает меня, как холодность, особенно в молодом

человеке». В письме от 10 октября 1824 года Александр пишет Владимиру о своей напряжённой внутренней жизни, подвластной великому идеалу: «У меня есть что-то, пусть – идеал, но без меры и без счёту. Шагаю себе, может быть, лечу, но сам не знаю как, и вместе с тем в некоторые мгновенья наслаждаюсь истинно возвышенной жизнью, всегда независимую, и которая кипит во мне, как полная чаша».

Не случайно Владимир Одоевский в «Дневнике студента» (1821) вспоминал: «Александр был эпохой в моей жизни. Ему я обязан лучшими минутами оной. В его сообществе я находил то, чего везде искал и нигде не находил».

Прекрасно образованный, умный, благородный, романтически восторженный Александр Одоевский был любимцем лучших людей своего времени. Высоко ценил его Александр Сергеевич Грибоедов (1795–1829) – создатель бессмертной комедии в стихах «Горе от ума» (1824), посол России в Персии, где он и встретил свою трагическую гибель, защищая русское посольство. В 1825 году он писал об Александре Одоевском, с которым был в родстве, своему другу С.Н. Бегичеву: «Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно. Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».

Грибоедов и Одоевский состояли в родстве не только по крови, но и по духу. Возможно, в образе главного героя «Горя от ума» Александра Чацкого – горячего борца с крепостничеством, косностью, несправедливостью – нашли воплощение некоторые черты Александра Одоевского. Сам он ощущал то самое «горе от ума» – разлад между разумом и чувствами: «ум может ли быть в вечном согласии с сердцем?» «Ум с сердцем не в ладу», – говорил о себе Чацкий.

Герой смело, открыто, пламенно выступил против наделённых властью «авторитетов», сильных мира сего, крепостников, грабителей и угнетателей народа – «негодяев знатных»; обличил «подлейшие черты» их существования:

Где? укажите нам, отчества отцы,
Которых мы должны принять за образцы?
Не эти ли, грабительством богаты?

Защиту от суда в друзьях нашли, в родстве,
Великолепные соорудя палаты,
Где разливаются в пирах и мотовстве .

Примечательно, что Одоевский организовал коллективное переписывание с подлинной рукописи и распространение в списках комедии Грибоедова, запрещённой в России царской цензурой. Это было важной частью радикально-просветительской деятельности тайных декабристских обществ.

Грибоедов создал стихотворение-посвящение «А. О <доевскому>» (1826?), когда его родственник и друг томился в неволе, приговорённый по обвинению «в умысле бунта» и участии «в мятеже с пистолетом в руках» к 15 годам сибирской каторги, срок которой при утверждении приговора был сокращён до 12 лет:

Я дружбу пел... Когда струнам касался,
Твой гений над головой моей парил,
В стихах моих, в душе тебя любил
И призывал, и о тебе терзался!...

В свою очередь поэт-узник тяжело переживал гибель родного человека – замечательного сына России – в «Элегии на смерть А.С. Грибоедова» (1829):

Но под иными небесами
Он и погиб, и погребен;
А я – в темнице! Из-за стен
Напрасно рвуся я мечтами:
Они меня не унесут,
И капли слёз с горячей вежды
К нему на дёрн не упадут (76).

Обширная, исторически, литературно и социально значимая тема «А.С. Грибоедов и А.И. Одоевский» заслуживает отдельной глубокой разработки.

Декабрист и мемуарист Николай Васильевич Басаргин (1799–1861) также оставил свои воспоминания: «Против нас сидел князь Одоевский, очень молодой и пылкий юноша-поэт. Он, будучи весёлого, простосердечного характера,

оживлял нашу беседу и нередко мы проговаривали по целым ночам».

Из поэтического наследия сохранилось в основном лишь то, что было создано уже после заключения в крепость, в тюрьме, на каторге и в ссылке. До событий на Сенатской площади Одоевский принципиально не публиковал и не издавал своих произведений. Будучи чрезвычайно строгим и взыскательным к себе, многое из написанного он сам уничтожал. После 14 декабря 1825 года все документы и бумаги поэта-декабриста были сожжены его отцом.

Художественная образность немногих сохранившихся произведений отличается свежестью, искренним поэтическим переживанием красоты Божьего устройства мира. Например, в стихотворении «Луна» (1824) ночное светило представляется поэту золотым челноком, управляемым в волнах облаков ангелом небесным:

Встал ветер с запада; седыми облаками
Покрыв небес потухший океан.
Сквозь тонкий видишь ли туман,
Как, увлекаемый волнами,
Челнок летает золотой?
Вот он исчез... блеснул... вот скрылся за волной,
Вот снова он и выплыл, и сияет,
И ангел светлых звёзд кормилом управляет (52).

Одоевский также старался избежать, как он говорил, «журнального славостяжания». Славолубие, пустое участие в жизни высшего дворянского круга и успехи в нём были глубоко чужды возвышенной душе поэта. Так, в стихотворении «Бал» (1825) лирический герой явно в оппозиции к светскому обществу. На бале он уединяется, отворачивается к окну, на время глубоко уходит в себя. И вдруг возникает фантазмагорическое зрелище. Летящие в вихре бала пары, сверкающие роскошными нарядами и «свежей красотой», внезапно превращаются в безобразное, безликое сонмище мертвецов, крутящихся в жуткой пляске смерти:

Глаза мои в толпе терялись,
Я никого не видел в ней:
Все были сходны, все смешались.
Плясало сборище костей (54).

Те же мотивы разрабатывал В.Ф. Одоевский в рассказе «Бал» (1833): «Свечи нагорели и меркнут в удушливом паре. Если сквозь колеблющийся туман всмотреться в толпу, то иногда кажется, что пляшут не люди... в быстром движении с них слетает одежда, волосы, тело... и пляшут скелеты, постукивая друг о друга костями...» Поистине это адское, бесовское коловращение: «а над ними под ту же музыку тянется вереница других скелетов, изломанных, обезображенных... но в зале ничего этого не замечают... всё пляшет и беснуется, как ни в чём не бывало» .

В знаменитом стихотворении Михаила Юрьевича Лермонтова (1814–1841) «1-е января» («Как часто пёстрою толпою окружён...») <1840> также нарисована картина бала в Дворянском собрании. Бездушный и бесчувственный «высший свет» состоит из живых мертвецов, коварных, лживых, лицемерных, прячущих свою отвратительную суть за масками приличий:

Как часто, пёстрою толпою окружён,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шёпоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушных людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки (311).

Гротескный образ живых мертвецов впоследствии создал Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883) в жанре стихотворения в прозе «Череп» (1878). В роскошном, пышно освещённом зале «множество кавалеров и дам» берутся рассуждать о бессмертии. Но за всем этим внешним блеском автор видит жуткое уродство смерти: «мгновенно выступила наружу мертвенная белизна черепов, зарыбились синева оловом обнажённые десны и скулы. С ужасом глядел я, как двигались и шевелились эти десны и скулы, как поворачивались, лоснясь при свете ламп и свечей,

эти шишковатые, костяные шары» . Вся это внутренняя мертвечина власть имущих подавляет живые силы страны, препятствует их развитию.

Находясь в Петропавловской крепости, Одоевский продолжал творить. Основной темой его поэзии, вполне понятно, стала тема тюремного узничества, неволи и страстная тоска по свободе, традиционно воплощённая в образе вольной небесной птицы. Таково стихотворение «Утро» <1826>:

Рассвело, щебечут птицы
Под окном моей темницы;
Как на воле любо им!
Пред тюрьмой поют, порхают,
Ясный воздух рассекают
Резвым крылышком своим.
Птицы! Как вам петь не стыдно,
Вы смеётесь надо мной.
Ах! теперь мне всё завидно,
Даже то завидно мне,
Что и снег на сей стене,
Застилая камень мшистый,
Не совсем его покрыл.
Кто ж меня всего зарыл?
Выйду ли на воздух чистый –
Я, как дышат им, забыл (56).

Тема узничества в широком значении, когда каждый честный человек в России ощущал себя в оковах и жил мечтой о свободе, нашла воплощение в поэтических шедеврах с одинаковым названием «Узник»: у Пушкина («Сижусь за решёткой в темнице сырой...») и у Лермонтова («Отворите мне темницу,

Дайте мне сиянье дня...»). К циклу «тюремных стихотворений» можно отнести также лермонтовские стихи с их характерными мотивами «Пленный рыцарь»:

Молча сижусь под окошком темницы;
Синее небо отсюда мне видно:
В небе играют всё вольные птицы;
Глядя на них, мне и больно и стыдно (322) –
и «Соседка»:
Не дожидаться мне, видно, свободы,
А тюремные дни, будто годы;
И окно высоко над землёй!
И у двери стоит часовой! (321)

Поначалу одиночное тюремное заключение, следствие, ожидание приговора убивали жизненные силы Одоевского, приводили молодого человека в отчаяние. И всё же поэт нашёл в себе мужество, обрёл силу духа, помогающую с достоинством выдерживать посланные ему неслыханно тяжкие испытания:

Что мы, о Боже? – В дом небесный,
Где Сын Твой ждёт земных гостей,
Ты нас ведёшь дорогой тесной,
Путём томительных скорбей,
Сквозь огонь несбыточных желаний!
Мы все приемлем час страданий
Как испытание Твоё (57).

Словно предвидя свою трагическую судьбу, Александр Одоевский, будучи ещё 18-летним юношей, задолго до восстания декабристов писал своему младшему двоюродному брату Владимиру Одоевскому 2 октября 1821 года: «Я люблю побеждать себя, люблю покоряться, ибо знаю, что испытания ожидают меня в жизни сей, испытания, которые, верно, будут требовать ещё большего напряжения моего духа, нежели всё, что ни случилось со мной до сих пор».

Узник-Одоевский горячо молился, возлагая все свои упования на беспредельное милосердие Божие, и, заточённый в камере, прославил Всевышнего в пасхальную ночь Светлого Христова Воскресения. «18 апреля 1826 года. Петропавловская крепость» – так поэт указал время и место создания своего стихотворения «Воскресение»:

Пробила полночь... Грянул гром,
И грохот радостный раздался;
От звона воздух колебался,
От пушек, в сумраке ночном,
По небу зарева бежали
И, разлетаясь во тьме,

Меня, забытого в тюрьме,
Багровым светом освещали (55).

Заточение не препятствует воспарять окрылённым духом к воскресшему Христу. «Забытый в тюрьме» поэт становится свободным сопричастником всеобщей, вселенской пасхальной литургии:

Я, на коленях стоя, пел;
С любовью к небесам свободный взор летел...
И серафимов тьмы внезапно запыхали
В надзвёздной вышине;
Их песни слышались мне.
С их гласом все миры гармонию сливали (55).

Внутреннему взору поэта предстаёт лучезарный образ Христа – источник любви, света, радости, спасения:

Средь горних сил Спаситель наш стоял,
И день, блестящий день сиял
Над сумраками ночи;
Стоял Он, радостный, средь волн Небесных Сил
И полные любви Божественные очи
На мир спасённый низводил (55).

Светлое Христово Воскресение даёт надежду на духовное обновление и возрождение – от тьмы к свету, от гибели к спасению, от смерти к жизни:

И славу Вышнего, и на земле спасенье
Я тихим гласом воспеваю,
И мой, мой также глас к Воскресшему взлетал:
Из гроба пел я Воскресенье (55).

его лирических религиозно-философских признаний:

Но в жизни есть минуты, где от мук
Сожмётся грудь, и сердцу не до прозы,
Теснится вздох в могучий, чудный звук,
И дрожь бежит, и градом льются слёзы...
Мучительный, небесный миг! Поэт
В свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность,
Как сам Господь вдохнул в свой Божий свет –
В конечный мир – всю духа бесконечность.

<...>

Поэт горит! Из глубины горнил
Текут стихи, – их плавит вдохновенье;
В них дышит мысль, порыв бессмертных сил –
Души Творца невольное творенье! (171–172)

Часть 2

Друзья-декабристы, заключённые во время следствия в Петропавловскую крепость, затем на каторге – в Читинском остроге и Петровском заводе – продолжали отмечать высокие достоинства Александра Одоевского, несколько не утратившего своих превосходных душевных качеств: «Одоевский – ангельской доброты. Пиит и учён <...> он всегда в нужде, ибо со всеми делится до последнего». Но внутренне поэт исполнен неизбывной «сердечной грусти», все романтические мечты и надежды когда-то пылкого юноши обращаются в тлен:

Не изменилось заточенье;
Но от надежд, как от огня,
Остались только дым и тленье;
Они мне огонь: уже давно
Всё жгут, к чему ни прикоснутся;
Что год, что день, то связи рвутся,
И мне, мне даже не дано
В темнице призраки лелеять,
Забиться миг весёлым сном
И грусть сердечную развезть
Мечтанья радужным крылом (78).

В то же время Одоевский находил в себе внутренние силы, чтобы утешать и ободрять собратьев-узников, «в дни чёрные» вселять строками своей поэзии – «святой», «страдательной и сладкой» (171) – надежду на Божью милость и высшую справедливость:

Недвижимы, как мёртвые в гробах,
Невольно мы в болезненных сердцах

Хороним чувств привычные порывы;
Но их объял ещё не вечный сон,
Ещё струна издаст бывалый звон,
Она дрожит – ещё мы живы!

<...>

Все чувства вдруг в созвучие слились...

Нет, струны в них ещё не порвались!

Ещё, друзья, мы сердцем юны! (142)

Подвигу любви, верности, самопожертвования, который явили жёны декабристов, добровольно последовавшие за мужьями в сибирскую ссылку, Одоевский также посвятил проникновенные строки своей лирики. В стихотворном послании «Кн. М.Н. Волконской» (1829) – молодой княгине Марии Николаевне Волконской (урождённой Раевской) (1805–1863), супруге декабриста Сергея Григорьевича Волконского (1788–1865) – поэт сравнивает самоотверженных женщин с ангелами небесными:

И узникам, с улыбкой утешенья,
Любовь и мир душевный принесли.

<...>

В затворниках печали все уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтоб ангелы на небо не вспорхнули,
Не сбросили покрова своего (87).

Декабрист Н.И. Лорер вспоминал: «Александр Одоевский, главный наш поэт, прочёл стихи <...> Он читал отлично и растрогал нас до слёз».

Поэтическое творчество Одоевского – это «и мученье, и сладость» (154). В стихотворении «Как я давно поэзию оставил...» поэт размышляет о благотворной, спасительной роли поэзии, создаваемой во славу Божию, в самые тяжёлые периоды жизни:

Я черпал в ней
Все радости, уладу скорбных дней,
Когда в снегах пустынных мир я славил,
Его красу и стройность вечных дел,
Господних дел, грядущих к высшей цели
На небе, где мне звёзды не яснели,
И на земле, где в узах я коснел,
Я тихо пел пути живого Бога
И всей душой Его благодарил,
Как ни темна была моя дорога,
Как ни терял я свежесть юных сил... (170)

Животворящая поэзия, воспевающая «красу и стройность» Божьего мира, – это «друг, со мной в печалах неразлучный», «Ангел-утешитель»:

В поэзии, в глаголах провиденья,
Всепреданный, искал я утешенья –
Живой воды источник я нашёл!
Поэзия! – не Божий ли глагол,
И пенем птиц, и бурями воспетый,
То в раду, то в молнии одетый,
И в цвет полей, и в звёздный хоровод,
В порывы туч, и в глубь бездонных вод,
Единый ввек и вечно разнотонный! (170)

Одоевский создал образ поэта – свободного, неподкупного, искреннего и бесхитро-стного «певца народного»:

Нет, с хитростью певец, как соловей,
Не сочетал Божественного дара.
Лилася песнь, как вольная струя,
По первому порыву, без искусства,
От полноты восторженного чувства (97).

В поэме о событиях древнерусской истории «Василько» (1830) такой народный певец на княжеском пиру отважно обличает сильных мира сего и их безбожные злодеяния против народа:

Видел я мира сильных князей,
Видел царей пированья;
Но на пиру, но в сонме гостей
Братий Христовых не видел.
Слёзы убогих искрами бьют
В чашах шипучего мёда.
Гости смеются, весело пьют
Слёзы родного народа (97).
В трагической судьбе главного героя поэмы виделся

Одоевскому отзвук его собствен-ной судьбы, участи его соратников, и в то же время поэт выражал веру в конечное торжество истины:

Господь суда от мира не приемлет!

<...>

Пред Спасом не виновен Василько,
И пред людьми страдалец не виновен:
Пройдут князья, пройдёт и суд князей,
Но истина на небе и в потомстве,
Как солнце, просияет (122–123).

Одоевский вспоминает казнённых декабристов –
Несчастных жертв, проливших луч святой
В спасенье русскому народу.

Мы братья их!.. Святые имена

Ещё горят в душе: она полна

Их образов, и мыслей, и страданий.

В их имени таится чудный звук:

В нас будит он всю грусть минувших мук,

Всю цепь возвышенных мечтаний (142).

Поэт от лица всех своих сподвижников утверждает
верность памяти погибших друзей, хранит их идеалы:

Нет! В нас ещё не гаснут их мечты.

У нас в сердца их врезаны черты,

Как имена в надгробный камень.

Лишь вспыхнет огонь во глубине сердец,

Пять жертв встают пред нами (143).

Суд повелителей земных – ничто в сравнении с правым
Божьим судом, пред которым предстанут все одинаково:

Когда пред суд Властителя царей

И палачи, и жертвы станут рядом...

Да судит Бог!.. (143)

Согласно единодушному признанию ссыльных каторжан-декабристов, поэзия Одоевского явилась художественным выражением их общих чувств и мыслей. «Звучные и прекрасные стихи Одоевского, относящиеся к нашему положению, согласные с нашими мнениями, с нашей любовью к отечеству, нередко пелись хором и под звуки музыки собственного сочинения какого-либо из наших товарищей», – вспоминал Н.В. Басаргин.

Именно Одоевский выразил солидарное мнение в поэтическом ответе на историческое послание А.С. Пушкина (1799–1837) «Во глубине сибирских руд...» (1827) декабри-стам. Многих из них Пушкин знал лично, со многими был дружен, состоял в переписке с Рылеевым. Последнее стихотворение Рылеева, написанное в Петропавловской крепости:

Тюрьма мне в честь, не в укоризну,

За дело правое я в ней,

И мне ль стыдиться сих цепей,

Когда ношу их за отчизну.

Пушкин очень тяжело переживал трагедию разгрома декабристов. Во время восстания он отбывал очередную ссылку за создание вольнолюбивой лирики – находился фактически под домашним арестом в селе Михайловское Псковской губернии.

Размышляя о судьбе Ленского в одной из редакций романа в стихах «Евгений Онегин» (1823–1831), Пушкин предполагает, что его герой мог быть

Иль в ссылке <...>,

Иль быть повешен, как Рылеев.

В своём послании в Сибирь, исполненном гражданского мужества, первый поэт России преклоняется перед подвигом отважных людей; стремится духовно поддержать героев-страдальцев, сосланных на каторжные работы в сибирские рудники, упрятанных царским правительством в «мрачные подземелья», «каторжные норы», закованных в кандалы – «оковы тяжкие». «Любовь и дружество» Пушкина проникают сквозь «мрачные затворы» темниц. Поэт полностью разделяет высокие идеалы свободы и счастья России, исповедуемые декабристами:

Во глубине сибирских руд

Храните гордое терпенье,

Не пропадёт ваш скорбный труд

И дум высокое стремленье.

<...>

Оковы тяжкие падут,

Темницы рухнут – и свобода

Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут .

Стихотворение «Струн вещих пламенные звуки...», с его знаменитой строкой «Из искры возгорится пламя», – самое известное произведение Александра Одоевского, свидетельствующее не только о его таланте, но и об огромном мужестве, духовной силе, человеческом достоинстве, вере в грядущую свободу народа и родины:

Струн вещих пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И – лишь оковы обрели.
Но будь покоен, бард! – цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.
Наш скорбный труд не пропадёт,
Из искры возгорится пламя,
И просвещённый наш народ
Сберётся под святое знамя.
Мечи скуём мы из цепей
И пламя вновь зажжём свободы!
Она нагрянет на царей,
И радостно вздохнут народы! (73)

Этот поэтический диалог – послание Пушкина и ответ Одоевского, два истинных шедевра русской патриотической и гражданской лирики распространялись в списках, рукописных копиях по всей России.

В 1833 году Одоевский был переведён с каторги на поселение в Иркутскую, а затем в Тобольскую губернию. И, наконец, в 1837 году по распоряжению Николая I поэта направляют на Кавказ в действующую армию рядовым. Воодушевлённый долгим путешествием с севера на юг – через пол-России, по дороге он создал стихи, наполненные любовью к раздольям родины, святой своей Руси:

Как сладок первый день среди полей отчизны,
На берегах излучистой Усымы!
Опять блеснул нам луч давно минувшей жизни
И вывел нас из долгой скорбной тьмы...

<...>

И может ли что быть милее и привольней
Обзора мирного приятных этих мест,
Где издали блестит на белой колокольне,
Манит, как жизни цель, отрадный Спасов крест? (173)

В то же время по мере приближения к месту назначения усиливались тревожные мысли и предчувствия, которые нашли отражение в стихотворении «Куда несётесь вы, крылатые станицы?...»:

Пора отдать себя и смерти и забвенью!
Но тем ли, после бурь, нам будет смерть красна,
Что нас не Севера угрюмая сосна,
А южный кипарис своей покроет тенью? (174)

Декабрист Н.И. Лорер в своих «Записках» (1867) вспоминал: «Вечером нас потребовали в штаб для объявления, кто из нас в какой полк назначен. Государь повелел разместить нас непременно по разным местам. Одоевскому, как бывшему кавалеристу, досталось в Тифлисе в Нижегородский драгунский полк, мне – в Тенгинский полк, квартирующий в Черномории. В эту же ночь должны мы были отправиться по полкам. Нам дали прогоны каждому на руки. В первый ещё раз, с выезда из Сибири, мы отправились без провожатых и только оттого, что уже рядовые, принадлежим государю и вошли в состав армии. Была туманная, чёрная ночь, когда несколько троек разъехались в разные стороны. Что ожидает нас в будущем? Черкесская ли пуля сразит, злая ли кавказская лихорадка уложит в мать сырую землю?»

Автор этих мемуаров прожил долгую жизнь, а вот Одоевского сразила «злая кавказская лихорадка». Он умер 15 августа 1839 года от малярии в форте Черноморской береговой линии (ныне Лазаревское).

А он не дождался минуты сладкой:
Под бедною походною палаткой
Болезнь его сразила, и с собой
В могилу он унёс летучий рой
Ещё незрелых, тёмных вдохновений,
Обманутых надежд и горьких сожалений! (305)

Так писал о кончине поэта-декабриста Лермонтов – такой же свободолюбивый поэт-изгнанник, так же преднамеренно отправленный государем-императором на Кавказ на верную гибель под горские сабли и пули. Служа в одном драгунском полку, Одоевский и Лермонтов успели познакомиться и подружиться.

Лермонтов откликнулся на смерть своего друга большим лирическим стихотворением – почти поэмой – «Памяти А.И. О-го» (1839):

Я знал его: мы странствовали с ним
В горах востока, и тоску изгнанья
Делили дружно (305).

В этом стихотворении воплотились все лучшие черты любимого лирического героя лермонтовской поэзии в целом: романтический образ поэта-трибуна, узника, одинокого мятежного изгнанника, чуждого светскому обществу, с трагической судьбой:

И свет не пощадил – и Бог не спас!

Лермонтов нарисовал обаятельный портрет своего друга, отдал ему дань сердечной памяти:

Но до конца среди волнений трудных,
В толпе людской и средь пустынь безлюдных,
В нём тихий пламень чувства не угас:
Он сохранил и блеск лазурных глаз,
И звонкий детский смех, и речь живую,
И веру гордую в людей и жизнь иную (305).

Стихотворение, исполненное глубокого чувства личной утраты, позволяет понять, насколько крепкой была дружба, связывающая двух замечательных поэтов:

Но он погиб далёко от друзей...
Мир сердцу твоему, мой милый Саша!
Покрытое землёй чужих полей,
Пусть тихо спит оно, как дружба наша,
В немом кладбище памяти моей! (306)

Пейзажные зарисовки, живые картины морской стихии, венчающие текст, служат своеобразным утешением в скорби:

Любил ты моря шум, молчанье синей степи –
И мрачных гор зубчатые хребты...
И, вокруг твоей могилы неизвестной,
Всё, чем при жизни радовался ты,
Судьба соединила так чудесно:
Немая степь синее, и венцом
Серебряным Кавказ её объёмлет;
Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет,
Как великан, склонившись над щитом,
Рассказам волн кочующих внимая,
А море Чёрное шумит, не умолкая (306).

Свободная морская стихия напоминает о бесконечности и вечности жизни, гармонии и правде Божьего мира, который воспевал истинный русский поэт Александр Одоевский. Таково одно из последних его лирических религиозно-философских признаний:

Но в жизни есть минуты, где от мук
Сожмётся грудь, и сердцу не до прозы,
Теснится вздох в могучий, чудный звук,
И дрожь бежит, и градом льются слёзы...
Мучительный, небесный миг! Поэт
В свой тесный стих вдыхает жизнь и вечность,
Как сам Господь вдохнул в свой Божий свет –
В конечный мир – всю духа бесконечность.

<...>

Поэт горит! Из глубины горнил
Текут стихи, – их плавит вдохновенье;
В них дышит мысль, порыв бессмертных сил –
Души Творца невольное творенье! (171–172)

Евгений
СТЕПАНОВ

Москва

Евгений Степанов — поэт, прозаик, публицист, издатель, кинорежиссер, автор полнометражных фильмов «Христос-Человечество» и «Основной вопрос». Родился в 1964 году в Москве. Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института, Университет христианского образования в Женеве и аспирантуру МГУ им. М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Печатается с 1981 года. Публиковался в центральной периодике. Автор нескольких книг стихов, вышедших в России, США, Болгарии, Румынии, Венгрии, а также книг прозы и научных монографий. В советское и перестроечное время работал в журналах «Огонек», «Столица», «Мы», «Трезвость и культура», газетах «Семья», «Совершенно секретно», «Ступени», «Крестьянская Россия» и др. Редактировал корпоративные газеты «Вестник Мосэнерго» и «Госстрах». В настоящее время издатель-главный редактор журналов «Дети Ра», «Зинзивер», «Футурум АРТ», «Зарубежные записки», газет «Литературные известия», «Поэтоград», портала «Читальный зал» и других литературных СМИ. Заместитель главного редактора газеты общественных организаций МИД РФ «Наша Смоленка: Люди и дела». Лауреат премии имени А. Дельвига «Литературной газеты» (за трехтомную монографию «Жанры и строфы современной русской поэзии»), премий журналов «Нева» и «Сура» (за стихи). Руководитель Союза писателей XXI века и издательства «Вест-Консалтинг». Живет в Москве и поселке Быково (Московская область).

Стихотворения из книги
«МЛАДШИЙ БРАТ ТРАВЫ»

Я ВЫЖИЛ

Я выжил в горькой битве с вирусом,
Храню зачем-то Иисусом.
Мои стихи на тройку с минусом,
Но жизнь моя на тройку с плюсом.

Вода и хлеб. И руки сильные.
И нет в чужом глазу соринки.
А надо мною небо синее,
А подо мной родной суглинок.

2023

ЕСЛИ

Разве идеал судьбы — Барвиха,
Особняк? Все это не по мне.
Если говорить, то очень тихо.
Лучше вообще жить в тишине.

Если размышлять, то о хорошем,
Принимая каждый Божий миг.
Все-то мы, безрадостные, ропщем,
Даже если повод невелик.

Если размышлять, то о высоком,
В будущее силясь заглянуть,
Станным человеческим заскокам
Уделяя времени чуть-чуть.

Я живу давно и не робею,
И не замечаю волчью сыть.
Если погибать, то за идею.
Впрочем, лучше за идею жить.

2020

ВСЕ ПРАВЫ

Шанс на триумф, нет забавнее шанса.
Надо спешить, ибо время не ждет.
— Это успех, — говорит Санчо Панса.
— Тягостный грех, — говорит Дон Кихот.

Жизнь не изюм, и нужна передышка.
Без передышки — каюк и кирдык.
— Это привал, — восклицает мальчишка.
— Это провал, — отвечает старик.

Трудно незнайке в компашке всезнаек.
Трудно добиться серьезных побед.
— Это итог, — замечает прозаик.
— Это исток, — восклицает поэт.

2019

ДОЖДЬ

«Тоже являются частью вселенной...»
Из песни

Коснулось небо — дождиком — земли.
И мысли о бессмыслице ушли,
Бессмыслице земного бытия.
Едины небо и земля, и я.

Я знаю, что я лузер и балбес.
А все-таки я тоже часть небес
И часть земли, где семена взошли.
Коснулось небо — дождиком — земли.

Взошли укроп, морковь и салат...
И сад играет красками, как слайд.
И след судьбы на небо, а не в склеп
Ведет, когда душою ты не слеп.

2020

В ЭТОМ МИРЕ

В мире непонятном и жестоком
Я живу и знаю: смерть под боком.
Хорошо я это уяснил
У родных проплаканных могил.

В мире непонятном и мгновенном
Сильно мне дают под зад коленом,
Хоть и фигурально, а до слез.
И я плачу, как молокосос.

В мире колготном и непонятном
Постоянно предлагают ад нам
Вместо райских розовых суфле.
Я не видел рая на земле.

2017, 2018, 2024

КУСТАРЬ-ОДИНОЧКА

Не согнулся — покамест — в дугу.
И какое-то делаю дело.
— Что могу, — говорю, — что могу!
— А зачем? — Так судьба захотела.

Не приближен к трубе и царю —
Это счастье, удача большая.
Я тихонечко что-то творю,
Мерзопакостей не совершая.

Я не стал, слава Богу, крутым
В эти подлые годы глухие.
Ничего, мы еще поглядим,
Кто окажется нужен России.

2013, 2018

ЧЕЛОВЕК

«Я первый раз живу —
простите, не умею».
Константин Кедров

Я ошибся — я в ответе.
Заявляю точно ТАСС:
Я живу на белом свете,
Извините, в первый раз.

Все впервые, все не просто,
Часто нелады с башкой.
И по всем стандартам ГОСТа
Я какой-то не такой.

И пути порой кривые,
И — дурак — не слушал мать.
Все не просто, все впервые.
И впервые — помирать.

2013, 2018

Сергей ПРОХОРОВ

Нижний Ингаш

*Сергей Тимофеевич Прохоров
- член Союза писателей
России, член -корреспондент
литературной академии
республики Крым, член
Международной Федерации
русскоязычных писателей,
автор более двух десятков
книг. Основатель двух
литературно-художественных
журналов: «Истоки» и
«Литкультпривет!» известных
в России и за рубежом. За
вклад в русскую словесность
и национальную культуру
награжден Международной
Федерацией орденом
«Культурное наследие».*

ОСЕННЯЯ ПРЕЛЮДИЯ

Вечер тучами густел,
В ночь дождём с грозой пролился,
Предосенний в августе
Год на день ещё продлился.

Этот день в календаре
Зачеркнул без сожаленья.
Ну, чего там на дворе?
Снова дождь иль потепленье?

Ещё бы с неделю хотя бы
Солнечного нам тепла,
А за окном сентябрь
Творит уж свои дела,

Как будто по чьей подсказке,
Невольно, не сразу вдруг
Осенние дивные краски
Везде и во всём вокруг:

И там, где лопух, где ревень,
Где птичья в садах свирель,
На травах, кустах, деревьях
Осенняя акварель...

Распугивая по привычке
Осенних со шпал галчат,
Осенние электрички
В осенние рельсы стучат

Туда, где дожди, метели,
Где даль от снегов бела.
Ещё б хоть одну неделю
Солнечного нам тепла.

СОЧИНИ СОНЕТ

Плачешь ли, хохочешь,
Пляшешь ли, поёшь, -
Всё чего-то хочешь,
Всё чего-то ждёшь,

И своё получишь,
А, быть может, нет.
Сочинил бы лучше
Про любовь сонет.

Прочитал бы милой,
Душу бередя.
Всё другое мимо,
А сонету –да!

О ГЛАВНОМ В ЧЕТЫРЕ СТРОКИ

Жизнь – это всё-таки умение
Хоть чего-то, как-то, но уметь.
Если жизнь – недоразумение,
Стоит ли её доразуметь?

В мечтах наших вечно витает
Солидный домашний бюджет,
А денег всегда не хватает,
Особенно если их нет.

И хочется если, и можно,
И нужно, хотя не всегда,
Но вечно любить невозможно,
Так, если в мечтах, иногда.

Выбирал бы бабу сам уж,
Чтобы уж наверняка,
А то выйдет баба замуж
За такого дурака.

В сытости дня жизнь наша,
Вру если, с тётки* взыщи.
Варится манная каша,
Преют наваристо щи.
(*Голод не тётка)

Погода, что на улице, что в прессе
Нас удивляет нынче неспроста.
Планета наша что-то куролесит,
Какая-то в планете маята.

Николай ЕРЁМИН

Красноярск

Ерёмин Николай Николаевич родился 26 июля 1943 года в городе Свободном, Амурской области. Окончил Медицинский институт в Красноярске и Литературный им. А.М.Горького в Москве. Член СП СССР с 1981 г. Союза российских писателей с 1991г. и русского ПЕН-центра международного ПЕН-клуба. Кавалер Золотой медали «Василий Шукшин». Автор книг прозы «Мифы про Абаканск», «Компромат», «Харакири», «Наука выживания», «Комната счастья», «Волшебный котелок», «Чучело человека». Выпустил в свет Собрание сочинений в 6 томах, трёхтомник поэзии «Небо в алмазах». Николай Ерёмин является автором-составителем проекта «Миражисты». Лауреат премии «Хинган», «Нефритовый Будда» и «Сибирский Лев» (2019г) Победитель конкурса «День поэзии Литературного института - 2011» в номинации «Классическая Лирика». Дипломант конкурса «Песенное слово» им. Н.А.Некрасова. Награждён ПОЧЁТНОЙ ГРАМОТОЙ министерства культуры РФ.

РОМАНС «ПОСЛЕДНИЙ ШАНС»

Всю ночь играло радио «Шансон»
И навевало мне покой и сон...
Чтоб я, забыв заботы о рубле,
По Енисею плыл на корабле...

И в Енисейске сочинил романс...
И, не шутя, назвал «Последний шанс»
Не зря теперь в пути ночь, и день
Поют его все-все, кому не лень...

СТАРЫЙ ХОЛОСТЯК

- Эх, жену заведу! Брошу пить...
Хорошо бы компьютер купить
...

СОНЕТ КАРЕНИНОЙ ИРИНЕ

Стихи Карениной Ирины
Прекрасны и неповторимы!
Всех из журнала «День и ночь»
Они зовут куда-то прочь...
С земли, где рабства и тиранства
Безумный голос нарочит.
Прочь! В солнцелунное пространство,
Где только музыка звучит...
Туда, где Млечный путь неблизкий,
Чумацкий шлях, увы и ах...
... Чтоб в заминированном Минске
Вдруг подорваться на стихах...
Избыток страсти не тая
Под звёздами небытия...

Судьба моя, ты с кем была,
Где – целовала-миловала?
Проблема пятого угла,
Увы, не много и не мало.

Я спать хочу,
Как в сказке – Гном
Спал сказочным волшебным сном...
И в Солнечном проснуться царстве:
Счастливым Чудо-государстве...
И сожалею об одном:
Что я, увы, ещё не Гном.

ДРУГ ПУШКИНА

О чём писал друг Пушкина Харон?
О том, что он не любит похорон...
А хочет бесконечно жить да жить,
Любить вино и с Музой не тужить...

В краю, где лишь поэт –Один за всех! –
Готов соединить успех и грех...
И, воскресив на сердце благодать,
Молитвами стихи свои назвать...

ПРОСТОЕ

У Маяковского «Простое, как мычание»
А у Ерёмина – «Простое, как молчание»

Всюду морды и страсти-мордасти:
Разрывается время на части...
Взрыв – и нет никого на пути.
Боже мой, как тебя мне спасти?

СОНЕТ-ПОСВЯЩЕНИЕ

Константину КЕДРОВУ
Пусть жизнь цепная, как собака, злится, -
Я не хочу под звон её цепей
Ни, как Сократ, цикутой отравиться,
Ни застрелиться, как Хемингуэй!
И не хочу, решая: - Или-или? –
Чтобы в Сибирской каторжной глуши
Меня, как Гумилёва, застрелили
Безграмотные в стельку алкаши...
А я хочу в цветении черёмух
Петь так, чтоб подпевала вся страна...
И осенью – счастливый, как подсолнух,
Дарить ей чувств и мыслей семена...
Пусть в сердце каждом вновь среди забот,
Как песня, вдохновенье прорастёт!

ЭПИСТОЛА к Э.М.

Вот и кончилось время надежд
И фантазий, ипсевдоиллюзий...
Ты – под капельницей, без одежд,
Полуспишь под влияньем инфузий...
Счастлив тем, что способен обнять
Медицинскую койко-кровать...
И считаешь почти без труда
Кап-
кап-
кап...
Прожитые года...

ПАМЯТИ Николая МИКЛУХО-МАКЛАЯ

Страна, где странные друзья
И очень странные подруги:
Ни слова им сказать нельзя!
На страхе все и на испуге...
И ты вздыхаешь:- Вот те на...
Какая странная страна! –
И уплываешь, рад-не-рад,

Туда, куда глаза глядят...
Весь – в мыслях о добре и зле –
На чужестранном корабле...

СОНЕТ ПРО Б+Б

Увы и ах, в избытке сил
И я когда-то над Невою
По Невскому – один – бродил,
Как Бродский без меня, не скрою...
...И поступил – секретов нет –
В старинный университет...
И тут же – ректору привет! –
Был вдруг отчислен как поэт.
Но, чтоб в Сибири не тужил
Над Енисеем в век разлуки, -
Мне Бродский Библию вложил
В мои протянутые руки...
...Чтоб здесь – во сне и наяву -
Я помнил друга и Неву...

Какие солнечные дни!
Какие радостные встречи!
Какие звёздные огни!
Не долететь... Ой, как далече...
И ты – полночный светлячок –
Сказал об этом...И – молчок.
ВИДЕОКЛИП 2017 года
Константину КЕДРОВУ и Елене КАЦЮБЕ
Мне по душе Космическая ширь...
И по душе – во сне и наяву –
Доосы, покоровшие Сибирь...
И Миражисты, взявшие Москву...
Как Кедров, и душой и сердцем чист,
Я неспроста – Доосо-Миражист -
Вновь Музе говорю:
- А вот и я! Привет, метаметафора моя!... –
И слышу:
- Где ты был? Скорей – домой,
Ах, инсайдаут, палиндромчик мой!

Днём и ночью над городом –ливень...
Затопило подвалы домов...
Крысы – вижу – плывут по течению...
Наудачу...Навстречу спасению...

ЭПИТАФИЯ КОТУ, взорвавшему трансформаторную будку в Крыму

Кот-террорист погиб...Несчастный кот!
А сколько глупых их ещё живёт,
Чтоб в трансформатор влезть - и трра-та-та...
...Котёнок, не бери пример с кота!

Виктор МАГОНЯ

Красноярск

*Магоня Виктор Антонович
родился 24 января 1946
года в деревне Лебяжье
Нижнеингайского района
Красноярского края. Окончил
Тиличетскую среднюю школу и
Красноярский педагогический
институт. Учась в школе
увлёкся литературой,
однако никогда не стремился
стать профессиональным
литератором. В школе также
активно занимался спортом.
На протяжении многих лет
был членом сборной команды
Красноярского края по легкой
атлетике и лыжным гонкам.
Долгое время возглавлял
краевое спортивное общество
«Урожай». Печатался в
различных краевых газетах.
Автор двух поэтических
сборников. Лауреат конкурса
Литературной газеты 2014
года, член Союза журналистов
России.*

ВСТРЕЧА ВЕТЕРАНОВ

Снова сбор в молодежном кафе,
Хоть давно мы и не молодежь.
Хорошо посидеть подшофе,
Если только сюда ты дойдешь

Хоть идти впрочем недалеко,
Не лежат между нами снега,
До кафе мне дойти не легко,
До больницы четыре шага

КОМИЧЕСКАЯ ДРАМА

Он комик признанный- что надо,
Глаза всегда горят огнём,
Цветы, овации, награды,
Как говорится, всё при нём.

В театре полные аншлаги,
Поклонницы штурмуют вход.
Почёт и званья бедолаге,
И с уважением народ.

И он играл под звуки меди
Свою блистательную роль,
Он был лихой король комедий,
Он был поистине король.

Короче, так или не так ли,
Он в жизни многое познал,
Не потому ль в его спектакле
Всегда весёлым был финал.

...Жена ревнива и упряма,
С непроницаемым лицом,
И в доме ежедневно драма
С весьма трагическим концом

НА ПЛЯЖЕ

Мне улыбнулась женщина на пляже,
Ну до чего же, право, хороша.
И между прочим, подмигнула даже,
Тут встрепенулась вдруг моя душа.

Средь шума волн, среди людского гула
Она прошла по мокнущим телам,
Потом через меня перешагнула —
И упорхнула по своим делам.

Она в морскую бросилась пучину,
Её умчало водное авто.
Засуетился рядом с ней мужчина,
А я вообразил чёрт знает что...

БЕСПЕРСПЕКТИВНАЯ ДЕРЕВНЯ

В лихие 90-е появился термин —
«бесперспективная деревня»

Ильинка, Лебяжье, Матвеево —
Простые сибирские сёла.
И в памяти грустью повеяло,
Не жалуют их новосёлы.

Забытых и полузаброшенных,
Их сколько теперь по России —
Реформами огорошенных,
Но всё же пока что при силе.

Они и пахали, и строили,
И выстояли, как говорится,
И в общую нашу историю
Достойно вписали страницы.

Гордились вовсю хлеборобами
И выращенными хлебами.
Не дрогнули перед хворобами
И лиха немало хлебали.

Под праздник по доброй традиции
Сверкали покраской усадьбы.
Светились счастливыми лицами
Лихие осенние свадьбы.

Всё было добротнo, ухожено,
Как водится, сеяли, жали,
И в срок, как оно и положено,
Счастливые бабы рожали.

И с Божьего благословения
Воспитывали и растили
Родившееся поколение
На благо великой России.

...Забыты народные промыслы,
Бредём, как по лесу в потёмках.
О! Наши священные помыслы
О будущем и о потомках...

Примите поклоны вам низкие
За ваши труды, разносолы,
Такие родные и близкие,
И бесперспективные села...

ОСЕНЬ

Уже прохладно очень,
Снежок почти не тает.
И точно в сроки осень
На смену заступает.

Опять деньки настали
Морозные, как прежде.
Давно уже упали
Зелёные одежды.

В округе тихо, ясно,
Шум листьев под ногами.
Природа так прекрасна —
Как женщина нагая...

ФИЛОСОФСКОЕ

Как с дороги не сбиться вопрос большой,
В жизни всякое, скажем, случалось,
Я старался всегда не кривить душой,
В большинстве это мне удавалось.

И на легкую жизнь я не уповал,
Всё равно я надеялся - сдюжу.
Но уж точно никому не продавал
Я свою бесшабашную душу.

И в погоне за призрачною мечтой
Довелось побродить мне по свету,
Смею думать грехов за моей душой
По большому-то счету и нету.

Но и безгрешным тоже я не чета.
Не минуешь, увы, этой встречи,
Коль придвинется последняя черта.
Там на все вопросы и ответу.

ОБ ЭПОХЕ

Известно, что в воздухе много витает идей
И из этих идей возникают открытия.
Вот так и живешь в этом нагромождении дней,
А ведь мимо тебя пролетают события.

И тут возникает законный вопрос у меня,
А с абстрактным мышлением дела мои плохи.
К примеру, сегодня начало обычного дня?
Или, скажем, какой-нибудь славной эпохи?

х х х

Он к Богу весьма равнодушен,
Его не волнует Афон*.
Всегда чисто выбрит, надушен,
Последней модели Айфон.

Он смотрит надменно с балкона,
Безбожность свою не таит,
Но все-таки Божья икона,
В углу для чего-то стоит.

** Афон- святая гора в Греции,
место паломничества христиан всего мира.*

ГРУСТНЫЕ МЫСЛИ

Тут впору с кистью б совладать,
Иль что-то, скажем, в этом роде-
Вокруг такая благодать,
Такая музыка в природе.

Спешу сюда от суеты
И мысли грустные витают.
Твои любимые цветы
В долине пышно расцветают.

Любуюсь дивной красотой,
Хор птиц насвистывает дружно.
Ты вышла замуж, Боже мой!
Кому теперь все это нужно...

ПЕРСПЕКТИВЫ

Шагая бодрым шагом вдаль,
Не будь уже порой ретив.
Скажу об этом как ни жаль-
У нас не много перспектив.

Ведь стрессы нынче – это факт,
Из этого не делай культ.
Минует ежели инфаркт,
Уж точно ждет тебя инсульт.

УПАЛА ЗВЕЗДА

Упала звезда.
Упала звезда в ночи.
Что ей, звезде,
Взяла да и упала.
Над самой головой
Сверкнула почти
И словно бы ее и не бывало.
Упала хвостатая
Мне на беду-
Подумаешь, диво
Событие это.
Ты, глянув молча
На упавшую звезду,
Сказала- нехорошая примета.
С тех пор,
Мне помнится,
В жизни нашей,

Был ни один десяток
Добрых примет.
Но он,
Словно преследовать нас начал.
Той странной звезды
Угасающий свет.
Ей бы светить и светить бы
Нашей звезде.
С чего это ей вдруг
Вздумалось падать?
Этот отблеск ее
Он со мною везде-
Так и врезался напрочь
В мою память.
И что теперь толку,
Кричи не кричи...
А ты вдруг куда-то
Совсем запропала,
Упала звезда,
Упала звезда в ночи.
Зачем-то глупая упала...

ИСПОВЕДЬ ПЕНСИОНЕРА

Вот, до пенсии дожил,
И еще хватит сил.
Никому я не должен,
Кто мне должен -простил.

В жизни многое видел
И добра да и зла.
Никого не обидел,
Эх, была не была

Рассудив философски,
Я живу не спеша.
Я открыл, что чертовски
Все же жизнь хороша!

НА ГАЛЕРЕЕ

Он был как на галере,
Прикованный к веслу.
К Ваншенкин

Он словно на галере,
Что на крутой волне.
Как- будто к высшей мере
Приговорен к жене.

И ссоры, точно рифы,
Которых не пройти,
Про это ходят мифы,
И выход не найти.

Ему бы отдышаться,
Да дух перевести,
Но вырваться нет шансов,
И нету сил грести.

ЗИМНИЙ ВЕЧЕР

Зимний вечер. Холодает.
Загудели провода.
За окном как подobaет
Светит ранняя звезда.

В соснах ветер завывает,
Над трубой дымок парит.
День короткий прибывает,
На душе покой царит.

Разыгралась вьюга злая,
Так приятно помолчать.
Во дворе Дружок залаял,
Я бегу тебя встречать.

АВТОБУСНАЯ ИДИЛЛИЯ

Этого автобуса,
Что вне расписания,
Ждал я с нетерпением
Чуть ли не молясь.
Очень даже теплая,
Милая компания
Около полуночи
Здесь подобралась.

Славная идиллия!
Зрелище занятное:
Кто сидит вразвалочку,
Кто глядит в окно.
Тихо льется музыка
Ровная ,приятная
Из репертуара мне,
Кажется, « Кино».

Наш автобус старенький
Мчит дорогой ровною.
Тихо я беседую
С древним стариком.
Почему-то пристально
Смотрит в мою сторону
Женщина, с которой я
Вовсе не знаком.

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДЕНЬ

Визит сюда не так-то прост-
Мне все знакомо здесь до боли-
Дорога, лес, овраг, погост,
Вдали река, а рядом поле.

Иду смиренно на поклон
Родной родительской могиле-
У нас в деревне испокон
Традициями дорожили.

Пытаюсь память ворошить,
Взгрустнулось что-то вдруг наемдни
Сюда не принято спешить-
Сюда бы в самый раз помедлить.

Землица черная в горстях,
Ах, пахнет сладко и приятно.
Стою у вечности в гостях
И не хочу идти обратно...

ОСЕННИЙ СЮЖЕТ

А нынче ночью слегка подморозило-
Осень пошаливает всерьез.
И словно в зеркало смотрится в озеро
Парочка обнаженных берез

ПРОЩАНИЕ С КОМБАЙНОВЫМ ЗАВОДОМ

Отныне в этом нету тайны,
Понятно всё без лишних слов -
Закончили свой путь комбайны,
Завод, увы, идёт на слом.

Скажу вам (только между нами) —
С кого-то схлынуло забот...
Как будто грозное цунами
Обрушилось вдруг на завод.

Кругом обломки, мусор, камни,
С чего бы вдруг весь этот крах?
Вот так своими же руками
Всё разом превратили в прах.

Вселенский грохот слева, справа,
И, не сравнивая ни с чем,
О, эта русская забава —
«До основанья, а затем...»

А было время ведь когда-то,
Коли уж вспомнить о былом,
Они сражались, как солдаты,
В полях на фронте трудовом.

Хлеба, как водится, косили
И «Коммунар», и «Енисей».
Они по краю колесили,
А то и по России всей.

...И вот такая отходная
Прилюдно да при свете дня.
В пыли дымится проходная,
«Что в люди вывела меня»

ФИЛОСОФСКОЕ

Во всем должен быть порядок
И рациональность во всем-
От звезд и до дачных грядок,
До строения хромосом.

Берясь за всё скопом и разом,
Неплохо бы видеть в том смысл.
Ведь разум на то и разум
Чтоб вырабатывалась мысль.

А если сломался график
В системе наметился сбой
Кому тогда нужен он на фиг
Никчемный порядок такой.

И если в сути вопроса,
Неясности выше всех норм,
Жди непременно хаоса,
Или хуже того реформ.

НОВОГОДНЕЕ

Народ в предпраздничном томленьи,
А суета - с ума можно сойти.
А ты опять не в настроеньи,
Хотя уже «двенадцать без пяти».

Торчит взлохмаченная челка,
И взгляд что-то тревожное таит,
И ненаряженная елка
Посередине комнаты стоит...

ВСТРЕЧА СО ШКОЛОЙ

Как быстро годы убежали,
Считай полсотни лет прошло,
И вот меня в родные дали
Попутным ветром занесло.

Мне все здесь близко, все знакомо,
Как- будто виделись вчера.
Все та же речка возле дома,
Все так же звонки вечера.

«Друзья! Встречайте, я приехал!»
Без лишних возгласов, речей,
Но будто голос тихим эхом:
-А кто ты будешь-то? Ты чей?»

И по какой- такой причине
Ты объявился нынче вдруг?
В каком обличье, званье, чине
Ты обретаешься мил – друг?-

И вот подумалось, ребята,
Что тут сказать? Ну что сказать?
Места родные – дело свято
И их негоже забывать...

Я приобрел здесь силы, знания,
С трудом, но в сущность жизни вник.
Имею я большое званье-
Я этой школы выпускник

Сияет небо голубое,
Стою в печали и в тоске,
И ощущение такое
Как - будто вызвали к доске...

(Тиличетская средняя школа
Н- Ингашского района,)

БРАГИНА Людмила Петровна. Родилась в Белгороде. Окончила филфак БГУ. Руководитель литературной студии «Младость», работающей на базе Пушкинской библиотеки-музея. Редактор литературного журнала «Дрон». Автор четырёх поэтических книг, сборника песен, многочисленных коллективных сборников. Публиковалась в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Нева», «Нижний Новгород», «Дон», «Крылья», «Ротонда», «Родная Кубань», «Традиции и Авангард», «День и Ночь», «Истоки» и других. Лауреат премии «Молодость Белгородчины» в области литературы (1995), лауреат Всероссийской литературной премии «Прохоровское поле» (2012). Член Союза журналистов России. Член Союза писателей России.

РОМЕНКО Олег Сергеевич. Родился в Белгороде. Стихи и проза публиковались в журналах «Наши современники», «Молодая гвардия», «Нева», «Север», «Дон», «Нижний Новгород», «День и ночь», «Камертон», «Крылья», «Ротонда», «Северо-Муйские огни» и других. Редактор литературного журнала «Дрон». Лауреат и член жюри региональных и всероссийских литературных конкурсов и фестивалей. Автор книги стихотворений «Волны времён» и книги сказок для детей «Трепетные комочки». Помощник руководителя литературной студии «Младость».

БРЕМЯ РУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ

В самой первой своей статье («Белгородская черта на линии огня») мы предупреждали, что если российский народ будет продолжать так же беспечно относиться к происходящему, или жить в режиме максимального зажимивания — авось «рассосётся», то недалёк тот день, когда натовцы начнут нас сгонять со своих земель, как индейцев, и бить вглубь российской территории дронами и ракетами. И события последних дней подтвердили наши слова.

Из приграничных районов Курской области подлежат обязательной эвакуации почти 200 тысяч жителей, а это пятая часть населения всего региона. Так же объявлена эвакуация в сопредельном с курянами Краснояружском районе, откуда выехали почти все жители — 11 тысяч из 11 с половиной. Примерно такая же ситуация в соседнем Грайворонском районе, где некоторые приграничные сёла превращены в руины, как летом 1941-го года. Из многострадального Шебекинского района по разным оценкам на данный момент выехало от 50 до 70 процентов жителей. В Белгородской, Брянской и Курской областях ввели режим КТО, а в Белгородской и Курской ещё и режим ЧС федерального уровня.

У всех на слуху последние ошеломляющие атаки натовских дронов по гражданским и военным объектам даже в глубоком тылу. Горят аэродромы, нефтебазы, многоэтажки в Нижнем Новгороде, Липецке, Орле, Курске, Ростове. И есть все основания думать, что в ближайшее время нам предстоит готовиться к ещё более тяжёлым испытаниям. Но об этом позже, а сначала расскажем о ситуации в нашем Белгороде.

Несмотря на то, что приграничье Белгородской и Курской областей настолько мощно охвачено пламенем войны, что поступающие оттуда новости затмили даже сводки из зоны СВО, в самом областном центре, находящемся всего в 38 километрах от границы, стало на удивление спокойно, за редкими исключениями, о которых тоже напишем.

Сейчас создаётся ощущение, что Белгород скорее даже перенаселён. Давно у нас не было битком забитых маршруток, но сейчас это факт. Хотя немалая часть жителей покинула город насовсем, но ещё больше людей въехало в него из приграничных сёл. Кто-то к родственникам, кто-то сам снимает жильё. Белгород, может, и не самое безопасное место для беженцев, но людям, жившим в нескольких километрах от границы, где никакая сирена не успеет предупредить об артиллерийских обстрелах, наш город представляется вполне надёжным.

Приток беженцев в Белгород обусловлен тем, что во-первых — люди не хотят далеко отъезжать от своих домов, куда планируют вернуться при первой же возможности, ведь у многих там огороды и живность, а во-вторых — в области недавно запустили программу предоставления денежных средств для съёма квартир жителями приграничных районов, временно оставшихся без крыши над головой. Так, многодетным семьям на аренду жилья будут платить 40 тыс. рублей в месяц, всем остальным — по 20 тысяч. Учитывая цены на съёмную недвижимость в Белгороде, этих выплат более чем достаточно.

В результате внешний облик жителей города претерпел ощутимые перемены. Заметно прибавилось гуляющих по улицам шумных многодетных семей. У подъездов на лавочках вечерами стали засиживаться незнакомые компании крупных и свежих молодых людей, совсем не похожих на городских жителей. Видно, что работали они не в офисах и цехах, а много времени проводили на воздухе и питались дарами со своего хозяйства, а не из «Магнита». В маршрутках появилось много бабушек в пёстрых, цветастых и причудливо повязанных косынках, с волнением глядящих в окно, как бы не проехать нужную остановку. Эти бабушки тоже из приграничных

сёл, ведь городские бабушки, как мы знаем, летом носят панамки и шляпки.

На белгородских рынках также не смолкает тема, приближающийся к городу беды. Вот молодая и дородная розовая женщина с четырьмя детьми, мал мала меньше, рассказывает, что в Сужде нет ни воды, ни газа, ни электричества, ничего не работает, все магазины разграблены, и они чудом вырвались оттуда. А вот щуплый и седой пожилой мужчина разжился картонными коробками у торговцев овощей и фруктов. Мужчина делится, что в его пятиэтажке осталось всего три человека, а само Шебекино сейчас напоминает город-призрак. Он вывозит из Шебекино в Белгород людей с их самым необходимым имуществом по трассе, которую местные жители называют «дорогой смерти», из-за постоянных атак гражданского транспорта вражескими беспилотниками. Мужчина улыбается, когда рассказывает, что некоторые шебекинцы принимают его за маньяка, потому что он предлагает им бескорыстную помощь. Брать деньги со своих несчастных земляков, как это делают иные охотники за длинным рублём, ему совесть не позволяет. «Вот вывезу всех, тогда и сам уеду», — говорит этот святой человек и несёт коробки к своей полинялой бежевой «семёрке».

Но самой душераздирающей приметой прифронтового города для нас растущее количество искалеченных людей. Как правило, у многих из них нет полруки или полноги, нередко и вовсе конечность оторвана полностью. Этих людей мы постоянно видим на рынках, в магазинах, в парках отдыха на костылях, в каталках, реже на протезах. Причём это не участники СВО, а мирные жители, доставленные в Белгород из сильно пострадавших в последние месяцы приграничных районов.

По данным губернатора Белгородской области Вячеслава Гладкова на середину июля текущего года, в нашем регионе погибло двести мирных жителей и ранено более тысячи. Поэтому 16 июля в Белгороде открылся первый в стране межрегиональный центр по высокотехнологичному протезированию и комплексной реабилитации. Ещё шесть с половиной тысяч жителей Белгородской области, получивших ранения лёгкой и средней тяжести, отправятся в этом году на лечение в санатории.

Недавно мы оказались возле городской больницы, полностью переоборудованной под военный госпиталь. Из внутреннего двора громко и бодро звучала «Катюша» в исполнении ансамбля местной самодеятельности. Белгородские артисты и волонтеры регулярно посещают госпиталь с концертами и подарками. Но за те несколько минут, пока хор бабушек пел «Катюшу», через ворота КПП в госпиталь въехали два зелёных армейских пазика с красными крестами и жёлтый реанимобиль с надписью на заднем стекле: «Своих не бросаем!» Вот какую тяжёлую цену приходится сейчас платить нашим военным, за то, чтобы жители Петербурга и Самары наслаждались фестивалями цветов да кукол и в ус не дули: «Это не моя война», или — «Меня это не касается».

Хотя сирены в Белгороде продолжают регулярно включать и днём, и ночью, но за последние два месяца трагических событий в городе — наперечёт. Обычно после сирены ракетной опасности ничего не происходит, поэтому люди в большинстве своём перестали реагировать на неё, за исключением жителей из приграничных районов. Те прячутся в укрытия, истово крестятся и говорят, что «нас спасёт только Господь». Больше ни к кому, судя по их реакции, они доверия не испытывают.

Недавно очередная сирена застала нас в Гагаринском парке, где вдоль длинного фонтана, сделанного в виде многоступенчатого водопада, расположено множество лавочек в тени деревьев. Летом здесь всегда отдыхает много людей. И когда завывала сирена, к нашему удивлению никто даже не шелохнулся, словно это не люди, а истуканы сидели вокруг. Только один бомж, спавший на лавке, повернулся на другой бок и что-то злобно прорычал, когда в небе раздались первые бахи работы ПВО. Говорят, что люди в Донецке реагируют аналогичным образом.

Но мы не поддались стадному инстинкту и прошли в укрытие, потому что никогда нельзя быть стопроцентно уверенными, что за сиреной не последуют прилёты. Так, в один из дней мы шли домой и снова, уже двузвучная по счёту за день, прозвучала сирена. Все предыдущие оказались «холостыми», поэтому люди беспечно сидели во дворе, а некоторые из них жарили шашлыки возле своих машин, не обращая никакого внимания на объявленную тревогу. Но мы памятуя о том, что если долго кричать: «Волки! Волки!», то когда-нибудь эти волки действительно придут по чью-то душу, благоразумно воспользовались укрытием.

И как только мы заскочили в него, благо, что при ракетной опасности во всех подъездах города отключают домофоны, так через двадцать секунд началась дикая какофония взрывов в небе и на земле, грохот работы ПВО слился с грохотом прилётов. А уже через пять минут наши телеграм-каналы заполнили фото и видео с горящими машинами и выбитыми окнами в многоквартирных домах в районе Крейды на окраине города. Тогда пострадало четыре человека и было повреждено более тридцати машин.

Самой опасной для нас за последнее время оказалась одна из ночей в конце июня, когда на Белгород враг напустил целый рой «летающих мопедов». Большинство из них удалось сбить, но один подлетел совсем близко к нашему дому. Мы слышали за коридорной перегородкой, как звук беспилотника-камикадзе стремительно приближался к нашим окнам. С сети мы видели много фото изуродованных квартир, в которые залетали такие «мопеды». Они были похожи на вспоротый живот человека, с вываленными наружу внутренностями. Если кому и удавалось выжить в такой ситуации, то он становился тяжёлым инвалидом на всю жизнь. А в последнее время враг поменял тактику и следом за первым шлёт в одно и то же место и второй дрон, как делали фашисты при расстрелах — контрольный выстрел в голову. Но к счастью для нас, дрон пролетел мимо и врезался в «Магнит», находящийся в ста метрах от нашего дома. Поскольку была глубокая ночь, никто в магазине не пострадал.

А теперь мы коснёмся последних событий в Курской области, которые напрямую могут в ближайшее время затронуть ещё, как минимум, пятнадцать российских регионов. Пятого августа наш Белгород в целом спокойно отметил день города, приуроченный к дате его освобождения в ходе Курской битвы в 1943-м году. Но уже

следующей ночью на всех нас обрушился каскад обескураживающих новостей. После долгих и назойливых сигналов, поступающих с Запада, суть которых заключалась в том, что россиянам следует расслабиться и подождать три месяца, когда придёт Трамп и заключит мир на любых условиях, англосаксы в очередной раз подтвердили известную поговорку и показали своё истинное лицо — опасайся копыт лошади, рогов быка и улыбки англичанина.

В три часа ночи шестого августа после массированного обстрела вероломным врагом государственной границы в Курской области, специальные бронированные машины «Страйкер» разминировали коридор для колонн натовской бронетехники, которые и ринулись на российских пограничников в районе города Суджа. Ни главари Запада, ни их гауляйтеры в Киеве не взяли на себя ответственность за это нападение, включив режим «информационной тишины».

Зато по полной «отработали» российские военкоры и подражающие им диванные «аналитики». Начали по традиции за здоровье — дескать, не беспокойтесь, граждане, это всего лишь очередная пиар-акция всушников: зашли, сфоткались и позорно убежали назад. Но вскоре интернет начали заполнять кадры с рыдающими курскими беженцами, пленёнными российскими срочниками и позирующими в наркотической эйфории возле захваченной поселковой почты наёмниками с грузинским и украинским флагом.

И тут военкоров, что называется понесло. По их словам иностранные войска заполнили приграничье Курской области, подтягивают резервы, тылы, бронетехнику, дальнобойную артиллерию, и продвигаются вперёд такими темпами, что скоро дойдут до Москвы. Один наш местный «эксперт» на пенсии договорился до того, что в Курскую область якобы зашло 50 тысяч наёмников и ещё столько находятся в качестве резерва в Сумской области. Апофеозом стало заявление известного депутата Госдумы Андрея Гурулёва, который сообщил, что проехал от Москвы до Курской области с оружием и его ни разу никто не остановил и не проверил. Тем самым депутат прозрачно намекнул и на прошлогодний «пригожинский мятеж», и на его возможное повторение, только в уже куда более жёстком варианте, иностранными интервентами.

Но очень быстро панику удалось погасить. Военкоры получили по шапке, в курское приграничье подтянули тыловые резервы разных родов войск, а российская авиация так пробомбила тылы террористов в Сумской области, что им стало не до наступления. В очередной раз ни одна из целей противника достигнута не была. Ему не удалось вторжением в Курскую область добиться переброски российских войск с Донбасса, где для врага сейчас сложилась критическая ситуация, грозящая обрушением фронта.

Не удалось спровоцировать российское руководство на объявление новой волны мобилизации, что вот уже два года является голубой мечтой западной пропаганды. Ведь в 2022 году на одного мобилизованного пришлось, как минимум, по одному релоканту. Да и перед десятками тысячами иностранных наёмников, собранных со всего мира и долгое время тренировавшихся в натовских лагерях, наверняка были поставлены куда более «амбициозные» задачи на территории России.

А в результате за две недели им удалось закрепиться на территории, составляющей полтора процента от общей площади Курской области, и это притом, что если верить всё той же западной пропаганде и паникёрам местного разлива, противостояла этому вооружённому до зубов по последнему слову военной техники иностранному легиону горстка российских пограничников с одними автоматами.

Последние события в Курской области показали, что в случае успешного продавливания фронта российскими войсками в Донбассе, Запад готов пойти на какие угодно преступления, лишь бы не потерять оккупированную Украину. Живой силы у него явно недостаточно, что показала недавняя попытка интервенции, да и та, которая имеется, не готова жертвовать собой, потому что воюет за деньги. А это значит, что западники будут и дальше действовать как типичные террористы. Они сбрасывают с дронов гранаты на детские площадки на Белгородчине, разрушают целые подъезды в наших домах, без конца атакуют гражданский транспорт и жгут приграничные сёла похлеще фашистов. И они вполне могут, об этом сейчас много пишется в сети, обстрелять распределительные станции Курской АЭС, что приведёт к остановке атомного реактора, и тогда в центральной России возникнут огромные проблемы.

Готовы ли натовские террористы пойти на это? Здесь мы можем сослаться на белгородского губернатора, который к такой угрозе относится вполне серьёзно и уже сейчас советует запастись генераторами, буржуйками и дровами, потому что «зима может быть разной». А само вторжение в Курскую область является красноречивым свидетельством того, что враг нас не боится, потому что считает слабыми и не готовыми защищать свою страну. Сейчас все ципсошники и, подпевающие им от большого ума, зет-блогеры захлёбываются в своих эфирах: «Где курские партизаны в тылу врага? Где очереди в военкоматы в Москве и Питере?»

При всей провокационности подобных вопросов со стороны противника, здесь есть о чём задуматься. Начиная с 90-ых годов прошлого века в России развернулась оголтелая пропаганда т. н. либеральных ценностей, суть которых в том, что — каждый сам за себя. Дальнейший крен в сторону патриотического воспитания молодёжи не сильно изменил ситуацию в российском социуме, потому как проводилась эта работа топорно, неискренне, словом — «для галочки», поэтому, как следствие, у общества выработался скепсис, можно даже сказать «иммунитет» на этот счёт. Теперь пожинаем плоды, когда враг уже стоит у ворот.

Эскалация боевых действий и перенос их в Курскую область говорит о том, что никаких мирных переговоров в ближайшие несколько лет не предвидится. Если кто-то думает, что с Западом всё же можно в принципе договориться по-хорошему, то таким людям мы хотим напомнить про саммит «большой семёрки», прошедший в июне в Италии, на котором страны-гегемоны приняли решение, что Россия должна выплатить Украине 486 млрд. долларов. И это они ещё делят шкуру неубитого медведя. Страшно подумать сколько квадриллионов долларов «репараций» они на нас повесят, если им удастся не мытьём, так катаньем поработить нашу страну.

Если мы не хотим, «чтобы наши малые ребята от поклонов сделались горбаты», то сейчас самое время, которого у нас остаётся всё меньше и меньше в запасе, задуматься над словами одного из вовлечённых в дело защиты нашей Родины старшего лейтенанта медицинской службы ДНР, врача-хирурга, кандидата медицинских наук Юрия Евича:

— Прошёл подготовку — идёшь добровольцем воевать. Нет возможностей сражаться по состоянию здоровья — пройди подготовку и обучай других в качестве инструктора. Собери гуманитарный груз — езжай на фронт, ребят поддержать, в глаза им заглянуть и послушать, как снаряды рвутся вдалеке. Для себя самого оценишь перспективы. Есть ещё варианты: плети сети, шей обмундирование, мастера носилки. В конце концов, помоги деньгами. Не можешь — молись за Победу как можно чаще.

И в заключение хотим добавить, что действенным этот совет окажется только в том случае, если все мы ему последуем, каждый в меру своих сил и возможностей, а не будем смотреть по сторонам и надеяться, что кто-то другой будет за нас отдуваться. Иными словами, если все мы станем, как в 1941-м году братьями и сёстрами, а не господами-товарищами. Очень хорошо это понял и прочувствовал Константин Симонов, обратившийся к соотечественникам в тяжелейшие для нашей Родины дни: «Знай: никто её не спасет, если ты её не спасёшь».

**Алексей
ИЛЬИЧЁВ**

Волгоград

Здравствуйте!

*Очень давно не писал
Вам. Да и не писал вообще —
находился в творческом поиске.*

*Не знаю, что повлияло на
это. Возможно смена места
жительства (несколько лет
назад переехал с семьей из
станции Кумылженской в город-
герой Волгоград), может быть
переключение внимания на
другую сферу деятельности (по
гос.программе переобучился и
получил профессию «Системный
администратор на Linux»), а
может не было того, что по-
настоящему зацепит, взволнует
душу и не даст ей покоя, пока
она снова не исповедуется
листу... Недавно именно это
и произошло. На отдыхе, в
Крыму, я написал небольшой
рассказ. Очень буду рад, если
он Вам понравится и Вы его
опубликуете. А мне, как всегда,
пришлётте ссылочку с ним.
Пишу я не часто, не гонюсь за
количеством, а предпочитаю
отдавать все силы качеству
произведений.*

ГИПЕРТОНИЧЕСКИЙ КРУИЗ

Одна старушка, божий одуванчик, лет семидесяти пяти от роду, решила поправить здоровье. А тут, как раз, на остановке, объявление, что в санатории неподалеку, молодой практикант за символическую плату, проводит сеансы массажа.

— Это как раз то, что мне нужно - подумала старушка - пенсия у меня не ахти, а массаж, в наше время, удовольствие не из дешёвых. А тут и мне хорошо, и ему неплохо - какая никакая, а практика...

С этими мыслями наша старушка и отправилась на приём. Первые дни всё шло прекрасно. Массажист с энтузиазмом и знанием дела так разминал старческое тело, что казалось к бабушке вернулась вторая молодость. Она как-то расправилась, стала прямее и шустрее на ногу. Даже клюку оставила — до того ей полегчало.

А в одно утро, со стонами, еле вползла в кабинет и говорит:

- Может, конечно и не ты виноват, сынок. Но вчера после массажу я чуть Богу душу не отдала. Давление подскочило, аж на причиндале насечки кончились.

- На причиндале? — удивился массажист

- Ну да, всё забываю, как его зовут, на манометре.

Было жарко, дверь в кабинет была приоткрыта и в это время по коридору проходил врач-терапевт. Всерьёз обеспокоенный массажист быстренько пригласил коллегу для консультации.

Доктор старушку вспомнил практически сразу, ведь несколько лет тому назад она проходила и у него лечение.

- Акулина Антоновна, сколько лет, сколько зим! — радостно поприветствовал старушку доктор — Жалуйтесь, что у вас произошло?

- А я всё уже сынку рассказала, думаю сильно он меня продавил, еле-еле добрела сюда, никакой мочи нет, дышу на честном слове.

- Ну, а теперь мне расскажите, чем занимались накануне, а лучше с самого утра.

- Чем, чем. Странное дело. Проснулась, выпила сто грамм коньяка...

Доктор расплылся в улыбке.

- Потом сырком закусила и пошла на массаж. По совету Русланушки — взглядом указывая на массажиста, продолжала Акулина Антоновна — пошла я к морю. А что думаю, сразу к морю-то идти, пойду я для пущего эффекта, на Майнакское озеро, вымажусь в грязи.

- Ну и как, вымазались? - спросил доктор.

- Вымазалась, да так основательно, стала прямо как негр, одни глаза и видны.

- А долго стояли-то? Минут пятнадцать? — продолжал расспрашивать доктор.

- Какой там пятнадцать-то. Полчаса стояла, ждала, когда грязь коркой возьмёт, потом смыла и ещё намазалась.

- И сколько так мазались?

- Разов шесть, для эффекта, а потом к морю пошла, поплавать.

- Иду, а меня даже жара не берёт. Плюс сорок в тени - разве ж это жара. Молодежь идёт, воду пьёт, веерами машет. А я про себя думаю:

хиленькие какие-то люди пошли. Вот посмотрите, на меня, на старуху, восьмой десяток разменяла, а слову нет.

- После моря домой? – уже с ноткой иронии в голосе спросил доктор
- Домой, а как же. Минут сорок на остановке пришлось автобус ждать. На лавочке ребятня, уши заткнули, все глаза в телефонах. Что я, старуха подошла, хоть бы один увидел, да встал.
- Дескать, садитесь бабушка... Какой там! Они все как будто и не тут. Меня не видят. А я стою, ворчу. А что ворчу-то – разве слышит кто. А тут автобус, ну и доехала до дома.
- И дома легли отдыхать – продолжал свои расспросы доктор.
- Легла только. Подруга позвонила. Позвала на курочку.
- На курочку? – вступил в разговор явно проголодавшиеся массажист.
- На курочку. Подруге в магазине, люди добрые, курочку купили, да ещё харчишек разных целый пакет.

Она так растрогалась старая, расплакалась, всё благодарила их. Ну а что, с нашей пенсией — это прямо как Манна небесная. Благодать! Хорошо, что люди такие есть, дай им Бог здоровья.

- Курочку-то эту ей жалко одной кушать, вот меня и позвала, вдвоём вроде как и не стыдно.
- Курочка-то вкусная оказалась – поинтересовался доктор.
- Слов нет, какое объедение! Жареная, да с чесночком, а какая корочка аппетитная!

Ну мы под эту сласть по два бокала красного вина и уговорили.

— Вот это да-да-да! – изумленно протянул терапевт.

- А потом я, как домой возвратилась, сразу, спать легла. А у меня, собака, Волчок, повадился выть каждую ночь. Воеет и воеет, воеет и воеет – одно беспокойство! Помню, мне ещё родители говорили, собака воеет к беде – болезнь накликает. А я боюсь. Встану, свет включу и стучу об окно, пальцем погрожу кобелю, да скажу пару ласковых. А он вроде как понимает, морду лапами закроет, глаза сомкнёт и спит лохматый. И я дремать. А тут, в ночи опять завыл, да так сильно, аки вурдалак. Я встать – а шевельнуться не могу, тело как не моё, вся левая сторона немая. Закричать, а что толку-то – живу одна. Перепугала-а-ась, мама родная... Стала я всем святым, которых знаю, молитву читать: помогите родимые не оставьте бабу. Так до утра и молилась. А по утру чую – руки, ноги шевелятся. Я на радостях взяла клюку и сюда.
- Ну, Акулина Антоновна, вы и чудачка – произнёс терапевт - вам-то с вашей гипертонией такие фокусы показывать. Тут дело совсем не в массаже оказывается. Он вам как раз только на пользу будет, да ещё прогулки пешие в нежаркое время суток. И, как вариант, дыхательная гимнастика по методу Стрельниковой. А вот на жареное и спиртное – строгий запрет. Послушаетесь меня – проживете с десяток лет. Волчка-то нужно гонять, чтобы не выл по ночам, людям добрым, спать не мешал.

**Евгений
ТАТАРНИКОВ**

Ижевск

О себе .

Евгений Татарников, 62 года.

Живу в г.Ижевск.

Закончил в 1982 году МВТУ

им.Баумана.

Работал на ПО "Ижмаш".

Закончил высшие курсы МВД

СССР и был на оперативной

работе.

Подполковник милиции в

отставке.

Любимые писатели: Шукшин

и Гоголь.

«ШКОЛЬНАЯ ПРОДЛЁНКА»

(ироническое эссе про советскую школу с группой продлённого дня, которая была лучшей...)

Предисловие

Как известно, в Советском Союзе обязательной была всеобщая занятость. Не работать могли только инвалиды, пенсионеры или матери с младенцами. Все остальные обязаны были работать или учиться, а не болтаться на улице без дела. «В древности люди учились для того, чтобы совершенствовать себя. Ныне учатся для того, чтобы удивить других», — сказал великий Конфуций. А я бы добавил, хотя до Конфуция мне далеко, как пешком до Китая: «Школа без «продлёнки» - что мельница без воды».

«Из детсада в первый класс»

Ижевск, 1966 год.

В детском саду я был тихим и прилежным ребёнком, выступал на каждом утреннике с танцами. Однажды плясал с группой пацанов в костюме, сшитым детсадовскими портнихами: чёрные шаровары, белая косоворотка, подпоясанная каким-то кушаком, а на голове - большой белый цилиндр с большими полями внизу, которые при движении падали мне на глаза.

В руках - кривая деревянная сабля, которой я не знал куда махать, боясь всех порубать. И вся эта костюмированная пляска происходила под музыку, которую выдавало старое чёрное пианино «ГАММА». По его чёрно-белым клавишам самозабвенно, запрокидывая голову назад, била пожилая женщина с шиньоном на голове, который в один из моментов сильнейшего удара по клавишам упал и валялся на полу. Звали эту женщину музыкантша тётя Люда.

— Жень, ну, и кого ты изображал, махая саблей на утреннике? Танец с саблями Арама Хачатуряна? — спросил отец, когда мы шли домой, а ходили мы с ним всегда пешком. Не на автобусе или в обозе ехали, а шли пешком. Я рассказывал ему как провёл время в детском саду, а отец мне — чем он занимался на заводе.

— Пап, музыкантша сказала, что это танец казаков, — ответил я, не понимая, кто они, эти казаки.

— Похоже..., — ответил в раздумье отец, глядя на ларёк «Пиво - воды», около которого с кружками стояли мужики и о чём-то громко галдели.

— Жень, хочешь воды...газированной с сиропом? — неожиданно спросил отец, без всяких переходов на другие темы, мол, что ты ел сегодня на обед в саду.

— Хочу, — радостно ответил я.

Я стоял и пил из гранёного стакана газировку с грушевым сиропом, а отец из большой стеклянной кружки рыжую воду, сверху красовалась большая «белая шапка», отец дул на неё и как ребёнок радовался, когда она разлетелась в разные стороны, попав кислыми каплями и на меня.

— И пришла к Айболиту лиса: «Ой, меня укусила оса!»...Пап, не помнишь, как дальше?

— И пришёл к Айболиту барбос: «Меня курица клюнула в нос!», — ответил гордо отец.

Я засмеялся, представив, как отца в нос клюнула курица. Ему тоже стало хорошо, раз я смеюсь. Так мы и стояли, пока не вспомнили, что нам пора домой, где обоим будет взбучка от мамы.

— Пап, «Ехали медведи на велосипеде...»

— Жень, а «За ними кот задом наперёд...»

И дойдя до дому, мы прочитали наизусть всего «Тараканище».

Открыв дверь в квартиру, отец с порога сказал:

— Как у наших ворот за горою жил да был бутерброд с колбасою...

— Никакой колбасы у нас нет, руки мойте, будем есть жареную картошку с луком, — сказала мама и мы с отцом обрадовались, что никакой взбучки нам не будет.

Водили меня родители в детский сад летом за ручку, а зимой - возили на санках, укутав от мороза, как луковицу. Ну, помните эту загадку «Во сто шуб одет, кто его раздевает, тот слёзы проливает». Только в детском саду слёзы лили не родители, когда меня раздевали, а ревел я, так как не хотел там оставаться. Просто дома меня не с кем было оставить: ни бабушек, ни дедушек у меня не было. В детском саду меня кормили почти с ложечки, развлекали воспитатели, а нянечки подтирали под носом. Не понимал я тогда — как хорошо там было...

«И вот всё враз изменилось...»

А вот теперь, когда я пошёл в школу, разом всё изменилось, даже сначала не понял — почему я раньше так стремился в школу?! В детском саду в стократ мне было лучше! Сейчас в школу я хожу самостоятельно, она не так далеко от дома и по пути к ней только единственная дорога, которую я перехожу - тихая, по ней почти не ездят машины, так как в 1966 году в стране ещё мало было машин. Они наравне с гужевым транспортом никуда не спешили. Но зато на моём пути бегало много бездомных собак, которых я боялся и обходил их стороной. В школе меня заставляли делать каждый день домашнее задание, а я не хотел. И правильно сказал писатель Жорж Сименон: «Задавая домашнее задание, учителя метят в учеников, а попадают в родителей». Мой отец больше меня боялся моих домашних заданий, зная, что это будет сильнейшая нервотрёпка для всей семьи. Он приходил с работы уставший и голодный, а тут ещё я с невыученными уроками...

«Ребёнка с первого класса школы надо учить науке одиночества», — говорила Фаина Раневская и может в чём-то она была права.

После школы, до прихода родителей с работы, я был дома один, не считая кота и поэтому, как маленький эгоист считал, что родителям до меня нет никакого дела, поэтому думал про себя, что я брошенный ребёнок. Жень, перестань ныть, а вспомни, что сказал Конфуций: «Я часто целые дни не ем и целые ночи не сплю, всё думаю. Но от этого нет пользы. Лучше учиться!». И когда жил этот Конфуций? Лучше не обращать внимания на его слова. Я так и сделал, но обратил внимание на слова трёхлетней сестрёнки Маринки, которая, сидя на горшке и, качая на руках плюшевого Мишку, читала ему вслух стих, который был в тему про «брошенного...». Я как раз, сидя за новым письменным столом, правой рукой выводил в тетрадке в косую линейку прописную букву «У», а левым ухом слушал:

«Уронили Мишку на пол,

Оторвали Мишке лапу.

Всё равно его не брошу -

Потому что он хороший...».

Меня радовали только последние строчки из этого детского стишка, поэтому захотелось поплакать и я заплакал. И вместо буквы «У» в тетради, я вывел букву «И» и теперь мне всё по-новому надо переписывать. Слёзы сами капали в тетрадь в косую линейку, размазывая букву «И» в фиолетовое пятно. «Блин, где моя промокашка?».

«Ну, вот и выходные дни настали...»

В выходные дни родители любили меня целых два дня: водили нас с сестрой Маринкой в зоопарк, покупали мне или петушка на палочке или морожку фруктовую за 7 копеек. Я любил, чтобы сразу купили и петушка и морожку, чтобы лизать сладкого петушка с гребешка и лизать холодную кислую морожку с её фиолетовой, как чернила, «шапки», но попеременно. Знаете, как это вкусно!

Сестра Маринка шла рядом со мной и прижимала к себе своего любимого плюшевого Мишку, боясь, что кто-то его отнимет. Да кому он нужен?! Ему сто лет от роду, я ещё им играл, а до меня, наверное, бабуля моя по отцу тоже играла. У Мишки давно не было одного глаза и мама пришила вместо него чёрную пуговицу. И его лапу сто раз пришивали, но она всё равно отрывалась. За Маринкой тащилось «белое облако» из сахарной ваты, которую купил ей отец, решив выпендриться перед мамой. Сестра держала это «облако» на малюсенькой палочке, а «сахарное облако» шаршило ветром из стороны в сторону и Маринка никак не могла этот кусок

сахарной ваты куснуть, а ей очень хотелось! Белый её бант на голове развязался и мотался, как воздушный змей, в разные стороны, пугая прохожих. Я изловчился, пока ветер-буян утих и откусил у неё большой кусок сахарной ваты. Как тут Маринка заревела! Я, конечно, струхнул и решил, что от её слёз растает вся сахарная вата и в руках у неё останется только палочка. Отец строго посмотрел на меня, я поперхнулся ватой, закашлялся, и вспомнил поговорку, которую мне отец не раз повторял: «на чужой кусок, не разевай свой роток».

В зоопарке я стоял у клетки с обезьянами и долго наблюдал за ними, пытаюсь понять, от которой из них, я произошёл. Из них я ни на кого не был похож, но факт, что я произошёл именно от обезьяны и это было очень давно и об этом мало кто знает, кроме Дарвина как это случилось, не давало мне покою. А именно с того момента, как я пошёл в первый класс, так как на вопрос, заданный мною отцу ещё в детсаде: «Пап, а от кого мы - люди произошли?», он просто ответил: «От обезьян, которых так много обитает в Африке». И вот теперь смотрю на них в зоопарке, а они все разные. В одной клетке скачут маленькие, шустрые – непоседы, в другой сидят большие и степенные. Я думаю, что я произошёл от шустрых - непосед, которые что-то громко кричат и корчат мне рожи. Ну, как я на перемене в школе. Да, если со стороны смотреть на них, то как-то не красиво они себя ведут. «Пап, прочитай, что там написано на табличке?».

— Макаки — род приматов из семейства мартышковых, состоящий из 21 вида, большинство из которых обитают в Азии. Появились примерно 5,1 млн. лет назад.

— Значит, я произошёл из семейства мартышковых, — подумал я и мне стало грустно.

— Жень, хватит на них глазеть, пойдём, Марина хочет мишку посмотреть, — сказала мама.

Мы быстро нашли клетку с медведицей, зоопарк-то не большой – одно название. Это просто зверинец. Медведица спала, хотя спать ей ещё было рано. Зато её медвежонок вытворял чудеса - такие хоть в цирк не ходи! Он играл с резиновым мячиком, который давно лопнул, видимо, от его когтей. Он бросал его в металлическую сетку клетки, та скрипела, а вся мелюзга, стоящая рядом визжала от восторга, так сильно, хоть затыкай уши. Одна Маринка была серьёзна и тихо бубнила:

«Всё равно его не брошу -
Потому что он хороший...».

— Пап, а мы сегодня покатаемся на «чёртовом колесе»? Хочу.., — не дав мне договорить, отец ответил строго:

— Ты, Жень, сегодня хочешь и морожку съесть и на колесо сесть. Так, сын, в жизни не бывает, колесо само, как жизнь катится. Поэтому колесо, качели и кино с ириской «Кис - Кис» будут в следующие выходные. Если, конечно, заслужишь отличной учёбой, понял?

— Понял, пап.

«Без хороших отцов нет хорошего воспитания, несмотря на все школы, институты и пансионы», — говорил великий педагог Ушинский. И с годами я понял это.

«Ну, а дома «пир горой» по выходным...»

А дома в выходные дни для меня был «пир горой». Мама жарила или пирожки с мясом, или делала хрустящий хворост, сверху обильно посыпанный сахарной пудрой – вкуснотища - «за уши не оторвёшь»! Ох, как я любил выходные, которые быстро заканчивались и начинались опять серые полуголодные будни. Где-то через месяц, в начале октября, когда по утрам на улице начали замерзать лужи, а школьный костюм начал болтаться на мне, как на вешалке, родители спохватились и подумали, что-то со мной не так.

— Почему Женька такой худой стал, может он со шпаной связался, курить начал? — спрашивал удивлённо отец маму. Хотя частично он был прав, я тихонько начал покуривать его папироски «Беломор - канал». Покуришь их и не так уж есть хочется! Покуривал, пока не был пойман отцом с поличным и бит ремнем в туалете, правда, не сильно. Нет, я там не ревел, а только повторял:

— Пап, я больше курить не буду... Никогда...Твой «Беломор – канал».

Слово своё я сдержал, «Беломор - канал» отцовский больше не курил. После этого случая с «Беломор-каналом» меня отдали в ГПД - группу продлённого дня, отдали почти, как «во солдаты» и моя вольнобродяжная дворовая жизнь после школьных занятий закончилась.

«Началась «продлёнка»...»

«Учёба и отдых, игры и труд, всё для детей предусмотрено тут. И мамы довольны, заботу ценя: — Спасибо за школу продлённого дня!», — гласила надпись на агитплакате тех времён.

После всех уроков я плёлся не домой, как многие школьники, а в «школьную продлёнку», ненавистную для меня. Выходит, что я шёл опять на урок после уроков. Испуганный взгляд первоклашки, ключ от квартиры на шее, выполнение «домашки» под присмотром воспитателя, футбол на школьном дворе, просмотр диафильмов, кормёшка в столовой: суп, котлета с картошкой и компот, уборка кабинета — вот они прелести внеурочной жизни, которые ещё называют другим словом — «школьная продлёнка». У многих в памяти она осталась

воспоминанием как о чём-то скучном, нудном и тоскливом. Для кого-то это пустой звук, для кого-то масса радостных воспоминаний, а для кого-то чуть ли не каторга. Ну, а чем плохо? Ребенка покормят, уроки с ним сделают, займут чем-нибудь, если повезет, ещё и на прогулку или в кино сводят - почти как раньше, в детском саду... Не бесплатно, конечно, за «продлёнку» приходилось платить что-то около 10 рублей в месяц. В пять часов вечера нас отпускали с «продлёнки». Я шёл домой с выученными уроками, сытый, с ключом на шее, но радости было мало. За спиной ранец, в руках палка на случай, если встретится на пути злая собака. И вот, открыв ключом дверь, зашёл в квартиру, а там никого, кроме заспанного кота Васьки, который хочет жрать...Прошла неделя в «продлёнке», она показалась мне Вечностью! Я ждал выходных дней, как манну Небесную, когда нас с Маринкой поведут в парк культуры и отдыха им. Горького. Я как, мне тогда казалось, этого заслужил.

Эпилог

Впервые о необходимости присмотра за школьниками во внеурочное время заговорили в марте 1957 года, когда на заседании ЦК КПСС был рассмотрен вопрос «О состоянии и мерах по улучшению работы с детьми вне школы и предупреждению детской безнадзорности».

**Вааги
КАРАПЕТЯН**

Канада

ВААГН КАРАПЕТЯН

(Торонто, Канада) Писатель,
редактор, литературный
критик. Автор нескольких книг.

Главный редактор альманаха
«Литературная Канада». Вице-
президент Международного союза
литераторов и журналистов APLA
по американскому континенту.

Лауреат многих литературных
наград. Основатель более
десяти общественных и
профсоюзных организаций.
Первый председатель Федерации
независимых профсоюзов
Армении, первый председатель
Литературно-творческого
объединения «Кленовый лист»
(Канада).

БЫВАЕТ И ТАК

Мне грех жаловаться на друзей, знакомых, просто приятелей, даже на тех кого и имени не знаю – при встрече улыбаемся и приветствуем друг друга. Ведь имя знать и вовсе необязательно, главное быть уверенным, что всегда придём друг другу на помощь, если такая потребность возникнет.

Бывало зайдёшь в «Tim Hortons» – это сеть закусочных построенная по системе фаст-фуд, вроде «McDonalds», но поменьше размером. Так вот, зайдёшь, а там, понятно, очередь. Но особо не утруждаешь себя, зыркнешь голодными глазами по очереди, а там обязательно кто-нибудь из друзей-приятелей, просто знакомых, или из тех кого и имени не знаешь, окажется. Кивнёшь, улыбнёшься и попросишь: «Возьми и на меня, а я тут рядом посижу, что-то ноги побаливают». С ногами у меня всё в порядке, это я так, для убедительности добавляю. Срабатывает. Значит, забираю я стаканчик Pepsi и Hot Dog горячий и вслух вспоминаю, что у меня нет наличных, чтобы рассчитаться, только карточка. Могу дать погрызть её кончик, если поможет. А потом, чтобы друг не совсем опечалился, успокаиваю, мол при встрече рассчитаюсь, или занесу, или ещё что-нибудь такое обнадеживающее скажу. Срабатывает.

Но недавно осечка вышла, зашёл в «Tim Hortons», а там в очереди ни знакомый, ни приятель, и не из тех кого я и имени не знаю, а только при встрече улыбаемся и приветствуем один другого, нет, там стоял самый настоящий друг, на дне рождения у него сто раз бывал. Так вот, буркнул я ему: «Возьми и на меня, что-то ноги побаливают.» А сам в сторону отошёл и присесть негде. К стене облокотился, жду. Вдруг он вышел из очереди, и говорит:

«Займи моё место, приспичило мне», – достал телефон и в сторону туалета отправился. А в дверях развернулся и выдал такое, что аж мурашки побежали по телу: «Нас пятеро». И исчез за дверью.

Что-ж, купил я шесть «Hot Dogs» и столько же стаканов Pepsi. Только отошёл с огромным подносом в руках от стойки, он и высветился из туалета, а в кафе ещё четверо ребят вваливаются и ему руками машут. И все довольные, счастливые. Друг подошёл, перехватил поднос, разрешил мне взять Hot Dog со стаканом Pepsi и говорит: «Занесу на днях».

Я растерялся, пожал плечами, и стал изображать улыбку. И было отчего – куда он занесёт, если адреса моего не знает, никогда не был у меня.

* * *

Мне грех жаловаться на друзей, знакомых, просто приятелей, даже и на тех кого и имени не знаю – при встрече улыбаемся и приветствуем друг друга. Ведь имя знать и вовсе необязательно, главное быть уверенным, что всегда придём друг другу на помощь, если возникнет такая потребность.

БАНГЛАДЕШ

Библиографы и знатоки моей творческой и прочей жизни зададутся естественным вопросом: «А разве Карапетян бывал в государстве Бангладеш? Какое отношение он имеет к этой стране?»

- Имею! – задиристо отвечу я, и добавлю. – И причем самое непосредственное.

Перед тем, как перейти к рассказу, совершу небольшой экскурс в административное деление города Еревана. Как ни удивительно, но в южном округе армянской столицы, есть район с экзотическим

названием «Бангладеш». В своё время кому-то вздумалось новостройки этого микрорайона официально обозначить загадочными знаками: А-1, А-2, Б-1, Б-2, Б-3 и т. д. Народ игру букв и цифр, смахивающую на зашифрованные сообщения военных времен, естественно, не принял. Но надо же! Кому-то вздумалось первым сказать слово «Б», в смысле Бангладеш, оно и прижилось. Слово, как известно, не воробей, вылетит – не поймаешь. И в простонародье закрепилось за этим районом название «Бангладеш». Но я всего этого не знал. К моему стыду, являясь студентом московского ВУЗа, я редко посещал Ереван и никогда не бывал в этом районе с не армянским названием.

А мой дед, коренной ереванец, надо признать, слабо разбирался в историко-географических науках и не знал о существовании государства Бангладеш, что имеет принципиальное значение для этого рассказа. Моему деду было глубоко безразлично откуда растут корни необычного названия этой части Еревана. Бангладеш, так Бангладеш.

Это всего лишь вступление, а теперь сам рассказ.

На втором курсе, по воле случая, я оказался втянут в группу сверстников взявшихся организовать Международное объединение «Глобус поэтов». Там и познакомился с молодым, но уже известным у себя на родине поэтом Бадрулом Хасаном Баблу. Он был родом из Бангладеш.

Нечто родственное выделяло нас среди общей, царившей в клубе суматохи. Он пробовал переводить мои стихи на бенгальский, а я его стихи на русский. Встречались, как правило, в рамках нашего объединения. А когда обзавелись девушками, стали встречаться и вне клуба. Подруги тянули нас в кино, в театры, мы покорно следовали за ними. Одним словом, дружба состоялась.

В мае, к приближению летних каникул, у меня появилась идея пригласить Баблу в Ереван. Он, не раздумывая, согласился, и я отправился на почтамт звонить деду, согласовывать с ним моё намерение.

Дед, услышав мой голос, возликовал от счастья, никак не мог поверить, что я хочу провести с ним каникулы. А когда я добавил, что планирую пригласить еще и друга из Бангладеш, он громко рассмеялся:

- Бала джан («Родной, душа моя» - условный перевод)! Твой гость, мой гость! – торжественно заявил он. – Какие могут быть вопросы.

В аэропорту, куда дедушка примчался за два часа до прилёта, Баблу, едва спустившись по эскалатору, вежливо поприветствовал деда и, виновато улыбнувшись, направился в туалет. И надо сказать, отлучился вовремя. Он не заметил замешательство на лице старика и недоуменный вопрос:

- А ты говорил, что он из Бангладеш?

- Да, дедушка, он из Бангладеш, – невозмутимо ответил я.

- Бала джан, что ты говоришь, опять твои неуместные шуточки, когда ты повзрослеешь? –

вздыхнул дед и назидательно покачал указательным пальцем.

Я напрягся. Не мог понять старика, что с ним? С чего это он решил, что Баблу не из Бангладеш? Не армянин же в конце концов: каштановый цвет лица моего друга заметно отличал его от прочего армянского населения и надо ослепнуть, чтобы не увидеть в нём иностранца.

- Дедушка, а с чего ты решил, что он не из Бангладеш?

- В Бангладеше нет таких, – безапелляционно заявил старик.

- Дедушка, хочешь я тебе его паспорт покажу?

- Паспорт? – усмехнулся дед. – В нашем паспортном столе Григор работает. Так он за бутылку тебе любой паспорт нарисует.

- Откуда ты знаешь, деда? – взмолился я, не имея аргументов, способных убедить старика в его заблуждении. – У Баблу на лбу что ли написано?

- Откуда я знаю? Да я позавчера был в Бангладеше! – криво усмехнулся он, по-отечески похлопал меня по плечу и назидательным тоном продолжил: – А ты решил, что я только вокруг дома гуляю, да в парке время провожу?!

Час от часу не легче. Дед точно с ума спятил.

- Дед, – уже строго заговорил я, – с тобой все в порядке? Ты хоть представляешь, где Бангладеш находится, как ты мог туда добраться?

И тут дед сразил меня наповал.

- На 16-том троллейбусе, гордо произнёс он, и засунув руки в карманы, смешно задрал подбородок.

Тут в пору и с ума сойти, но наш диалог на повышенных тонах привлёк внимание молодого человека, судя по очкам из семейства аспирантов. Он решительно подошёл и вкратце рассказал мне то, что читателю уже известно.

Дед обрадовался удачному разрешению спора с внуком. Онт с чувством обнял аспиранта, затем, прослезившись, прижал меня к своей груди. В эту минуту из-за угла появился довольный собой Бадрул Хасан Баблу.

**Сергей
ХОРШЕВ--
ОЛЬХОВСКИЙ**

Лондон

СЕРГЕЙ ХОРШЕВ-ОЛЬХОВСКИЙ Писатель, редактор, председатель правления Международного союза литераторов и журналистов APJA. Входит в редколлегию нескольких международных журналов и альманахов. Автор шести книг: «Четыре бездны», «Клетчатый пиджак», «Любовь и грех», «Запах родины», «Обыкновенная любовь», «Избранное», готовится к изданию седьмая «Край неба». Соавтор книги «Русский акцент». Главный редактор и один из соавторов книги «Английский акцент». Фольклорно-исторический роман «Четыре бездны – казачья сага» рекомендован директором Центра славянских языков и культур ВГУ Еленой Малеевой к изучению в литературных институтах России. Лауреат многих литературных и казачьих наград. Казачий полковник. Чрезвычайный и полномочный представитель союза казаков России и Зарубежья в Великобритании и странах Европейского союза. Уроженец Ростовской области, с 2001 года проживает в Лондоне.

В КЛЕТКЕ

Лёня Гордеев* был самым популярным учеником в выпускном классе. Он защищал честь N-ской школы на всевозможных спортивных соревнованиях, будь-то футбол, волейбол, или лёгкая атлетика. И в художественной самодеятельности участвовал, искусно играя на баяне. И на гитаре вполне сносно брэнчал во дворе. И из себя ничего, славненький паренёк: и ростом вышел, и лицом пригож, и шевелюра красивая – кудрявая, золотистая. А глаза – загляденье, васильковые, чарующие. Девчонки так и увивались за ним. Да что там увивались, ссорились из-за него, страдали. Даже невзрачная рыженькая Варя, со смешной коротковатой чёлкой, отличница, общественница и необыкновенная скромница, тоже без памяти влюбилась в него. Да куда там ей было угнаться за приткими миловидными товарками с красивыми причёсками. Варе оставалось лишь ловить случайный пустой взгляд Лёни, да плакать по ночам в подушку.

А Лёня действительно смотрел на Варю пустыми глазами, как будто бы видел, и как будто бы нет – как будто она была стеклянная. Амбициозный, себялюбивый Лёня петушился перед самыми смазливymi. То одной увлекался, то другой. Но по-настоящему никакой не давал повода сказать: «Я его единственная». И потому Лёню с потаённой надеждой ждали из армии многие девушки. А он, отслужив, не вернулся домой. Объявился только через три года. Приехал на новеньком, зеркально-блестящем внедорожнике, с большими деньгами. И откуда эти денежки, никто толком не знал. По одним слухам был то ли на алмазных, то ли на золотых приисках, и ему там сопутствовала большая удача, а по-другим – хоть и был на приисках, но не старателем, а вымогателем.

На родине Лёня сразу развил бурную предпринимательскую деятельность. Задёшево перекупил, как поговаривают, с помощью угроз, парочку небольших магазинов, открыл «со товарищи» автомастерскую, автомойку и придорожное кафе, и зажил местным князьком. Большинство девчонок, так страстно обожавших Лёню, давно повыскакивали, по зову природы, замуж, и нарожали детишек. Лишь двое ещё были не при деле: заметно похорошевшая, уже золотистая, как и сам Лёня – а не рыженькая, как прежде, Варя, да стройненькая длинноногая Лиля – первая школьная красавица. Лилия и Варя не были подругами в детстве, но по стечению обстоятельств стали таковыми после окончания школы. Они вместе поступили в педагогический институт, – томная мечтательница Лилия на факультет русского языка и литературы, а усидчивая Варя на физико-математический, – и вместе вернулись преподавателями в родную школу.

Лёня покружил, побалагурил два года с молоденькими красотками, да и обратил-таки взор, – ностальгия по годам юности взяла своё, – на одноклассниц Лилию и Варю, по местным меркам давно уже старым девам. И предпочтение отдал не бойкой фигуристкой Лиле, а Варе, пусть и физически расцветшей к двадцати пяти годам, но по жизни всё ещё остававшейся скромницей, и предложил ей руку и сердце. Но Варя, побыв с Лёней близко, уж так

случилось – одолела былая школьная страсть, отказала ему.

- Дура ты Варька! – ахнула от удивления Лиля. – Такую партию упустила! Дом у него полная чаша. И наряжал бы тебя как куклу, и по заграницам возил бы. Как сыр в масле каталась бы.

- Не надо мне этого добра, – с улыбкой отмахнулась Варя. – Не хочу жить в клетке, пусть и в золотой.

- А я бы согласилась в золотой! – вспыхнула Лиля.

- Подружка, остепенись. Неужели забыла, как мы в студенческие годы возмущались, когда читали рассказ** про индийскую красавицу, непременно желавшую выйти замуж за богатого человека, который подарил бы ей всякие драгоценности и обязательно большое золотое кольцо в нос?

- Припоминаю, но очень смутно. Имя у автора сложное.*** Я его тогда так и не научилась правильно произносить. А вот девушку звали Сона.

- Нет. Её звали Сони. Но так как она с детства страстно мечтала, как и вся её родня, о большом золотом кольце в нос, которое показывало высокий статус в обществе, и которое мог подарить далеко не каждый жених, то её и прозвали в народе Сона, что значит на языке хинди – золото. Да только золото не принесло ей счастья. Муж, успешный бизнесмен, после каждого выгодного подряда добавлял ей в нос золота ещё, и ещё. И это золото со временем стало приносить Соне своей тяжестью нестерпимую боль, и она стала умолять всю родню не добавлять больше золота, даже в тайне мечтала, чтобы у мужа не удался очередной подряд. Но её никто не слушал, успешные люди должны были показывать свой статус, иначе нельзя. И когда ноздря Соны не выдержала, порвалась, муж вызвал доктора. Нос зашили и добавили ещё золота, обрекая девушку на новые муки. Неужели ты тоже так хочешь?

- Ерунда это всё! – загорячилась Лиля. – Это же своего рода притча! Да и было это в Индии! У нас-то всё по-другому!

- Ну, если ты считаешь это ерундой, – в замешательстве пожала плечами Варя, – тогда соглашайся.

- Ага, соглашайся. Он при любой встрече с шутками вспоминает, как мы с ним неумело целовались на выпускном вечере, и больше никаких действий.

- Это потому что ты слишком яркая. Он боится тебя.

- Боится? – удивилась Лиля.

- Да, боится. Он уже обжёгся в армии на такой красавице как ты. Потому и не вернулся сразу домой.

- Ты-то откуда знаешь?!

- Как откуда, я же встречалась с ним целый месяц, – усмехнулась Варя, и посоветовала. – Будь скромнее.

- Скромнее? В чём?

- Во всём. В одежде, в макияже. Но главное, в поведении. Не тяни на себя одеяло, как ты привыкла.

- Хорошо, – охотно согласилась Лиля и простодушно размечталась. – Буду ходить по магазинам, наряжаться, ездить на море...

- Не увлекайся так безоглядно, – попыталась уговорить подругу Варя, – в клетку попадёшь.

- Ну и пусть! – весело захохотала Лиля. – Зато в золотую!

* * *

Лиля, по совету Вари, стала носить и одежду поскромнее, и причёску, и макияж не столь вызывающий. Но главное, умерила высокомерие. И Лёня постепенно привык к изменившейся характером Лиле, ставшей со временем ещё краше. Сначала он покатал её на своём крутом автомобиле, потом пригласил в ресторан, а затем и вовсе стал дарить дорогие подарки. И Лиля стала не ходить – на крыльях летать, как принято говорить. Многие школьные подруги тут же стали завидовать ей. Они хоть и были счастливы в браке, – кто-то больше, кто-то меньше, – но романтическая юность всё ещё сидела в глубине их сознания. Одна Варя, превратившаяся за годы работы в школе в уверенную в себе, практичную даму, продолжала предостерегать: «Не спеши высказывать, осмотришься. Он жутко ревнивый, собственник во всём». Но одурманенная тщеславием Лиля не слушала её.

* * *

Лиля после свадьбы торжественно вселилась в большой дом Лёни, который действительно был полной чашей и стала вести праздный образ жизни. Она уволилась с работы и ежедневно слонялась по модным магазинам, покупая себе наряды и украшения. Но вот незадача, увидеть её обновки, с некоторых пор, могли только мама и сам Лёня. Да ещё Варя изредка разрешалось проводить подругу. А поводом к такому жёсткому контролю послужил безобидный, с точки зрения Лили, но вопиющий, с точки зрения Лёни, случай. Лиля слишком долго и слишком весело общалась в кафе, на глазах у многочисленных посетителей, со своими бывшими коллегами – мускулистым физруком и симпатягой трудовиком. Да ещё позволила каждому из них, по-привычке, обнять себя на прощанье. Теперь Лиле запрещалось одной выходить из дома, теперь только

вместе с Лёней. Но у Лёни на это «совсем-совсем» не было времени. Дорогая клетка в одночасье захлопнулась. Даже на день рождения Вари Лёня не отпустил её.

- Как так?! Все коллеги будут, а лучшая подруга нет! – кричала в телефон обычно уравновешенная Варя.
– Учитель музыки подготовил замечательный сценарий, там и для тебя есть чудная роль!

- У Лёни сегодня «совсем-совсем» нет времени, – с грустью оправдывалась Лиля, повторяя любимое изречение мужа.

- Ну раз так, приходи сама.

- Ага, приходи. Он меня в продуктовый магазин не отпускает одну. Дверь закрывает на три замка. И от одного из них у меня нет ключа.

- Тогда выпрыгни в окно.

- На окнах решётки. И камеры на углах дома.

- Значит, всё-таки попала в клетку.

- Ещё в какую. По двору бегают собаки. И забор высокий, и охранник у двери.

- Не надо было спешить увольняться. Осталась бы под видом родительского собрания, и точка.

- Я не спешила, – задрожал голос Лили. – Это он заставил. Говорит, там учитель музыки бабник, и физрук с трудовиком пошляки.

- Зато у тебя теперь нет головных болей со средствами, – стала успокаивать раскисшую подругу Варя. – На море часто летаешь, как мечтала.

- Не хочу больше на море, – захныкала Лиля. – Хочу обратно в школу.

*Все имена взяты автором произвольно, любые совпадения случайны.

**Рассказ называется «Сона золото».

***Видьясагар Наутиял.

В КАМЕРЕ

- Рассказ твой новый* вчера прочитал, – хмыкнул, когда приехал в гости, мой давний друг, известный литератор, и примолк.

- Что, не понравился? – заволновался я. – Преувеличил?

- Нет, всё в меру. Поучительное произведение. Я ведь тоже в клетке побывал. Не в такой, конечно, гораздо жёстче... – вздрогнул он.

- Видимо, волнующая история, – тотчас проявил я неподдельный интерес. – Расскажешь?

- Особого желания нет. Но раз ты так заинтригован, поведаю. Может, почерпнёшь что-то необычное для себя, очередной рассказ напишешь. Одним словом, сгодится для общей информации.

Мы заварили кофе, налили по рюмочке конька, и он начал:

- В девяностые годы все будто с цепи сорвались – в коммерцию кинулись. Кто в малую, кто в большую, а кто-то и в очень большую. Я вначале был предпринимателем средней руки, но как-то так сложилось, что мой бизнес постепенно пошёл в гору. И ко мне тут же заявились «доброжелатели» и попросили уступить дело. Естественно, по смешно низкой цене. Я долго сопротивлялся, но что я мог поделаться в одиночку – у них были связи в МВД и КГБ. Меня моментально скомпрометировали и возбудили уголовное дело. Не в клетке я был – в камере. В СИЗО нас привезли сразу пять человек в один день и всех бросили в одну камеру. А там народу, не счесть – человек сто, а то и поболее. Тогда так практиковалось. И все разделены по категориям. Выше всех в иерархии блатные – люди с уголовным авторитетом. Следом за ними мужики – обыкновенные преступники, ничем себя не скомпрометировавшие. Пониже мужиков шныри – именно они исполняют в камере все работы. И самая низкая каста, опущенные – эти вообще бесправные, сидят в отдельном углу. Все кто попал в камеру, обязаны застыть у входа и доложить о себе всю подноготную, до мельчайших подробностей: по какой статье осужден, где родился, где учился, где работал, с кем дружил, на ком женат, и так далее... И пока блатные с первого стола будут проверять информацию: не стучал ли ты, не крысятничал ли? Иначе говоря, не предавал ли, не воровал ли у своих? Ты должен находиться у двери.

- Разве можно быстро проверить такую информацию? – засомневался я. – Да ещё в камере?

- Ещё как можно. Перестукиваются, перекикиваются, передают через окна и щели в стенах малявы – так там называют записки. Тюремные учреждения большие, всегда кто-то найдётся с твоего города или села,

даже может быть с твоей улицы. С кем-то ты учился, с кем-то служил в армии, с кем-то работал вместе. Также знакомства по интересам: спорт, рыбалка, охота... И так далее, и так далее. Знакомые вновь прибывших могут оказаться даже в этой самой тюрьме, а то и в самой камере. А в современном мире ещё телефоны есть. Они-то запрещены, да ведь любой запрет можно обойти.

- Ну и дела! – не переставал я удивляться.

- Так вот, я был самым старшим из этого этапа, поэтому начали с меня и пробили, как там выражаются, довольно быстро – в течение часа, и определили за стол к мужикам, так как я не имел уголовной практики, но и нигде не накосячил – не стучал, не крысятничал. А вот с молодыми беда. До самого вечера торчали у двери – пробивали их по всем каналам. Трёх смотрящий по камере определил в шныри – парни вроде бы и ничего, но наговорили о себе, по неопытности, всяких глупостей, которые не приветствуются в уголовном мире. А одного вовсе отправили к обиженным. Доказали, что и стучал, и крысятничал.

В первое время меня удивляли шныри – они постоянно были в движении: убирали, стирали, шили, готовили пищу. А ещё среди них были кони и часовые. Кони торчали у окна и постоянно что-то передавали в другие камеры с помощью верёвок и других приспособлений, и что-то постоянно принимали в ответ, либо переправляли дальше – вверх, вниз, влево, вправо. Но больше всего поразили часовые – специально отобранные два человека, которым вручили часы без ремешка, чтобы при необходимости могли их быстро спрятать. Часы они обязаны были оберегать ещё надёжнее, чем поставовой в армии оружие.

Они сменяли друг друга и каждые пятнадцать минут выкрикивали сколько времени на данный момент. Кричали громко и чётко, поставленным голосом, так, чтобы все слышали по всей камере. Я даже вздрагивал в первые дни от этих звонких криков. Но потом привык. Удобно ведь, всегда знаешь сколько времени. А глядя на обиженных, было не по себе, они хоть и гнилые нутром в большинстве своём, хоть и многие заслуженно попали в такую касту, всё же люди. Как уже говорил, они были абсолютно бесправные, сидели в дальнем углу, часто спали прямо на полу, прикасаться ни к чему не могли, кроме своих вещей. Даже помыться им было затруднительно. К крану тоже нельзя было ни в коем случае прикасаться.

Они стояли рядом с умывальником, ждали когда кто-нибудь придёт из более высокой касты и просили его не закрывать кран. Помывшись, обиженный опять торчал рядом с умывальником, ожидая, что кто-то ещё придёт и уже закроет по его просьбе этот злополучный кран. Если, конечно, соизволит. А если нет, то продолжал ждать следующего. Мы, мужики, жили тихонько, не вмешиваясь ни в какие дела, если даже и были чем-то недовольны. Обращаю внимание, ни в какие! Иначе, сразу поплачешься.

Все дела решали блатные с первого стола. Да, забыл. У каждого был свой стол. Куда тебя определил смотрящий по камере, там ты и должен всё время находиться. Блатные все вместе за первым столом, мужики – за вторым, и так далее. Однообразие, конечно, полное. Тем не менее самые непоседливые придумывали какие-то развлечения. Интересными эти развлечения были большей частью для блатных, а для остальных, порой, печальными. К примеру, игры на интерес, либо без такового, но с подвохом для неопытных в тюремных делах людишек. Садись играть просто так – в карты, в шашки, в домино, вообще в любую игру, и если проигрывал неопытный, ему тотчас предъявляли счёт.

Дескать, ты проиграл ботинки, или свитер, или ещё что-то из вещей, больше-то в камере ничего и не было. И когда проигравший возмущался, что он не договаривался на что-то играть, ответ был прост – ты не предупредил. Обычай такой – раз не предупредил, значит выигравший имеет право сам предъявить счёт. Некоторых так раздевали до нитки, а то и вводили в долги. Не знаю правда, везде ли такая традиция. Иногда развлечения были просто ужасными. После ужина, в первый же день моего пребывания в камере, в противоположном углу раздались крики, свист, хохот. Я заинтересовался у соседей, что стряслось? Мне с безразличием ответили: «Ничего интересного, длинного вешают. Иди, посмотри.»

И я пошёл. Да лучше бы не ходил. Там действительно вешали длинного худого парня. Ему на шею набросили петлю сделанную из простыни, перекинули её через грядущку кровати второго яруса, и на полном серьёзе подвесили. Тот барахтался, выворачивался, но ничего поделать не мог – его придерживали двое верзил, а третий натягивал простынь. Парень в петле стал синеть, судорожно извиваться, изо рта появилась пена, он потерял сознание, и только тогда его отпустили. Меня охватила жуткая тревога, я чуть живой вернулся на своё место. И каждый день, поверь, каждый день эта процедура повторялась. И никто не решался замолвить за него слово. Как я потом узнал, до этого вешали другого человека, а деревенский паренёк возьми да и возмутись, по простоте своей. Его тут же и всунули самого в петлю, вместо предыдущего.

Почти месяц был я в ужасе от этой затеи. И тут привели в камеру крепкого и смелого спортсмена, мастера спорта по-боевому самбо. Он встал на защиту деревенского парня. И на него тут же набросилась блатные. Но самбист не стушевался, отдубасил всех до крови. Они утёрли кровавые сопли и приговорили спортсмена. Самбист оказался невероятно стойким, трое суток не спал. А на четвёртые задремал-таки, и ему тут же вонзили

в бок заточку. И кто это сделал, так толком и не разобрались. А когда суэта после убийства поулеглась, худого длинного парня опять стали ради потехи вешать. Я думал не выдержу. К счастью, адвокат вскоре вытащил меня из камеры под залог. Такие вот брат дела.

- Нет у арестантов чувства меры. Кругом беспредел, – заключил третий собеседник, интеллигент чуть ли не в десятом поколении, присоединившийся к нам с некоторым опозданием.

- Ну почему же? – возразил рассказчик. – Там всё по правилам.

- Конечно! Только по ихним, по-блатным.

- Ничего не поделаешь, таков закон природы. Посади в яму несколько хищников и они съедят наислабейшего. А потом начнут выискивать следующего. И у человека такова сущность.

- Нет, нет! – возмутился интеллигент. – Политические всегда поддерживали друг друга. И морально, и материально. Делились последней крошкой. За больными ухаживали, как за родными. А когда те выздоравливали, сами начинали помогать другим. Нет! Не у всякого человека такова сущность!

- Да. Ты прав. Как писал Горький: «Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга!» – подытожил рассказчик.

*Имеется в виду рассказ «В клетке».

ДЕПУТАТ

Вениамин Плutow с ранних лет не был обделён вниманием всевозможных руководителей. В детском садике Веня был в центре внимания воспитателей, потому как мог выручить во время любой проверки. Он без всякого стеснения мог спеть уважаемым гостям из отдела образования трогательную песенку, или выразительно продекламировать стихок. А ещё он мог охотно рассказать кто из детишек вольно или невольно набедокурил.

В школе его тоже ценили за разностороннее участие в общественной деятельности. Он всегда готов был оформить страничку в стенгазете, провести политинформацию и за себя, и с особой, потаённой радостью за любого другого не справившегося со столь ответственным заданием ученика, и выступить на любом школьном собрании так, как того требовала ситуация. А ещё он готов был, как и ранее в детском садике, охотно поделиться с учителями скрытой информацией о проступках школьников.

За открытую-то его хорошенько отмузулили друзья-товарищи. В институте, на факультете журналистики, Плutow уже точно знал чего хочет. А хотел он, – ни много ни мало, – власти. Большой власти. И ради достижения заветной цели он не чурался ничем: благодаря подхалимству стал секретарём комсомольской организации, благодаря интригам стал старостой группы, а затем и старостой курса.

И когда оборотистого молодого специалиста, ставшего к концу учёбы кандидатом в члены партии, определили на работу в областную общественно-политическую газету, он развил ещё более бурную деятельность по продвижению себя любимого на верх партийной пирамиды. Он хотел быть заметным везде, хватался за любую щекотливую, а порой даже грязную тему. И за это руководители с охотой поощряли молодое дарование, а большей частью за вовремя предоставляемую информацию о сотрудниках редакции. Однако продвигать по карьерной лестнице не спешили, хоть и приняли в члены партии. Понимали, рано или поздно, подкопает и под них. Так и закис бы наш герой на средненькой, весьма нудной и энергозатратной провинциальной работе, да вовремя прогнулся на волне перестройки и чрезвычайно лихих девяностых перед нуворишами, выдавая бесценную для них информацию из репортёрских расследований.

И когда эти дельцы заняли высокие посты, благодаря своим капиталам, то и про Плutowа не забыли. Такой беспринципный проныра мог ещё пригодиться. Всеми правдами и неправдами Плutow добился-таки своего, стал депутатом городского уровня. Пусть это был всего лишь провинциальный масштаб, но это уже был доступ к представителям высшей исполнительной и законодательной власти, и это была реальная власть над простым народом. Себя-то Плutow к тому времени считал богемой. И стал он любоваться собой, начисто забыв про наказания избирателей.

* * *

Виктор Петрович Берёзкин был самым обыкновенным допропорядочным человеком, скромным и трудолюбивым, как и большинство граждан его великой страны. Жил он в глубинном российском селе, но выглядел вполне презентабельно. Всегда аккуратная стрижка с красивой серебристой сединой в волосах, всегда аккуратные усики, с не менее красивой серебришкой, и всегда добродушный приятный взгляд. А когда

надевал костюм, да ещё с галстуком – депутат, да и только. И за это он однажды поплатился.

* * *

Во дворе Заводского района города N-ска избиратели, среди которых большей частью были пенсионеры и женщины в декретном отпуске, уже третий час ждали депутата Плутова. Депутат чего только не наобещал жителям района. Он обязался смастерить в городских дворах удобные лавочки для пенсионеров, красивые песочницы с разными прибамбасами для деток, просторные площадки для парковки автомобилей, и решить вопрос с озеленением улиц, что было тоже немаловажно в душноватом в летнее время степном городе. И когда избиратели увидели представительного Виктора Петровича, приехавшего в город навестить брата, то приняли за депутата и накинулись на него угрожая костылями.

Виктор Петрович попытался объяснить, что он вовсе не депутат, а всего лишь обычный честный гражданин, по мере сил вносящий вклад в развитие родной страны, ежедневно дёргая рычаги трактора. Да кто там его слушал в нервной суете. От него потребовали немедленного выполнения обязательств данных перед выборами, строго по списку, который тут же и зачитали. И тогда Виктор Петрович, не желая быть хорошенько потрепанным, а то и вовсе растерзанным, стал трактовать народу обязательства Плутова на своё усмотрение. И оказалось, что его трактовка почти полностью совпадает с посулами депутата, и народ рассердился ещё больше, считая, что его опять хотят обмануть. Виктору Петровичу не оставалось ничего другого, как ретироваться.

Он безоглядно пустился наутёк от разъярённых горожан и сбил с ног депутата Плутова, как раз вырулившего из-за угла высотного дома вместе с привлекательной помощницей и крепышом-телохранителем. И только тут обиженные избиратели осознали, что необоснованно напали на совершенно незнакомого, ни в чём не повинного человека. А осознав, повели себя весьма необычно. Достопочтенные старики подхватили под руки Берёзкина, усадили его на принесённый кем-то из собственной квартиры стульчик, и стали уговаривать стать их представителем в городской думе, а непоседливые детишки, и даже некоторые взбудораженные старушки принялись с азартом закидывать переспелыми помидорами ушлого депутата Плутова.

Крамолла. Худ. Н.Сухорукова